

Оборванные нити. Том 3

Автор:

[Александра Маринина](#)

Оборванные нити. Том 3

Александра Маринина

Оборванные нити #3

Судмедэксперт Сергей Саблин – человек кристально честный, бескомпромиссный, но при этом слишком прямолинейный – многим кажется грубым, с тяжелым характером. Да что там многим – всем, включая родную мать и любимую женщину. Но для врача Саблина истина – главное, на сделки с совестью он не идет, чем бы его ни приманивали и чем бы ни грозили люди, заинтересованные в тех или иных выводах вскрытия...

Александра Маринина

Оборванные нити. Том 3

Часть пятая

Глава 3

И снова наступила середина декабря. Как-то незаметно миновал год в новой должности. Саблин по-прежнему вскрывал трупы и дежурил в составе

следственно-оперативной группы, работа Бюро более или менее наладилась, и вполне можно было подумать о дне рождения. Правда, на этот раз дата не круглая, но зато и нервов меньше, чем в прошлом году.

День рождения пришелся на середину недели, и Сергей, чтобы сохранить к вечеру хотя бы немного сил и бодрости, взял себе только одно вскрытие – несложное и не требующее много времени: пожилой человек умер дома, все диагнозы известны, все сведения от лечащих врачей получены. С утра секционную занимали врачи, вскрывающие четыре трупа, доставленные с места автокатастрофы, а исследование трупа пожилого мужчины предполагалось провести после этого.

Всю первую половину рабочего дня Саблин занимался обычной текушкой, радуясь, что хотя бы сегодня не возникает никаких неожиданных проблем. Наконец, ему сообщили, что секционная освободилась и можно готовить труп для вскрытия. Сергей попросил Светлану сделать ему чай с сушками.

– Сергей Михайлович, – сказала она, ставя перед начальником чашку и блюдце с пятью сушками, – там вас мужчина спрашивает, в регистратуре.

– Кто? – недовольно спросил он: Сергей не любил, когда его отвлекали пустыми разговорами даже перед несложными вскрытиями. – Кто-то из родственников? Или милицкий?

– Да ну, милицких я всех в лицо знаю. – Светлана, похоже, даже обиделась. – Такой забавненький. Но на родственника не похож, больно морда сияет. Так что, пригласить? У него пакет в руках нарядный. Наверное, с днем рождения вас поздравить хочет.

– Ладно, – кивнул Саблин, – если забавненький, то приведи, пусть настроение поднимет.

Через несколько минут Светлана снова открыла дверь и пропустила в кабинет начальника Бюро мужчину лет тридцати пяти-тридцати семи, как на глазок определил Сергей. Мужчина был невысок, крепок, одет в черную кожу с массой заклепок и прочих металлических прикамбасов. На ногах – сапоги-«казаки» с острыми носами. Типичный байкерский прикид.

– С днем рождения, Сергей Михайлович! – громко заявил посетитель. – Примите от нас всех и от меня лично, не побрезгуйте!

Он водрузил на стол перед Саблиным яркий пакет, содержимое которого весьма недвусмысленно звякнуло. Сергей понял, что это кто-то из тех мотоциклистов, с которыми его свел случай два месяца назад.

– Спасибо, – поблагодарил он. – Как там дела у ваших товарищей? Поправились?

– Порядок, Сергей Михайлович! Алекс хромает пока, но бодр и весел.

– А второй? Кажется, Макс? С разрывом селезенки. Как он?

Байкер хмыкнул.

– Да тоже вроде ничего. Сергей Михайлович, вы что, не узнаете меня? Это же я, Макс. Максим.

Саблин всмотрелся повнимательнее: действительно, тот самый. Стрижку изменил, что ли?

– Я вас не узнал сразу, – извинился он. – Вы какой-то другой стали.

– Ну да, – весело согласился байкер Макс. – Я волосы покрасил. Это называется «грязный блондин». Потому и не узнали, наверное. Вот пришел «спасибо» вам сказать. Здорово вы тогда помогли. Мне в больнице сказали, что если бы вы не сделали то, что сделали, мне бы кранты пришли. Я вообще-то давно узнал, как вас найти, но раньше не приходил, хотел в день рождения поздравить.

– А как вы про день рождения-то узнали? – удивился Сергей. – Кто вам сказал?

Макс неопределенно пожал плечами:

– Всегда нужно уметь собрать важную информацию о тех, кто тебе интересен. Разве не так?

И внимательно посмотрел на Сергея. «Ну-ну, давай-давай, строй из себя значительную личность», – язвительно подумал Саблин. Важную информацию он умеет собирать! Ишь ты, какой! Да еще о тех, кто ему интересен.

– Стало быть, я вам интересен? – холодно спросил он. – Весьма польщен столь высокой оценкой моей скромной персоны. Благодарю за внимание и за подарок. У вас все?

Байкер в изумлении уставился на него.

– Сергей Михайлович, вы что, обиделись на меня? Ну так я и знал! Вечно я что-нибудь ляпну неподходящее, а люди обижаются. Ну простите засранца, а? У меня язык – как помело, честное слово, несу невесть что, потом сам раскаиваюсь.

Сергей неожиданно расхохотался – до того расстроенный и виноватый вид был у байкера. Макс начинал ему нравиться.

Саблин заглянул в стоящий на столе пакет. Так и есть, три бутылки, все разные, но по виду не дешевые.

– Это виски, – пояснил Максим. – Самый лучший, какой в городе есть.

– Любите виски? – рассеянно спросил Сергей, прикидывая, как лучше поступить с неожиданным подарком: отнести домой и при случае выпивать по рюмочке под настроение; выставить сегодня на стол, когда придут немногочисленные гости; или передарить кому-нибудь, например той же Светлане, пусть у нее к новогоднему столу будет хорошее спиртное, сама она такого небось не купит. Или раздать по бутылке Светлане, Изабелле Савельевне и Таскону, дескать, на рабочем месте пьянствовать я запрещаю, а дома выпейте за мое здоровье, считайте, что я «проставился».

– Нет, – Максим обезоруживающе улыбнулся, – байкеры виски не особо потребляют, мы же все-таки за рулем.

– Да? А что пьют байкеры? – осведомился Сергей.

– Ну, пиво, конечно, но чаще ББЧ.

– Что-что?

– Большой байкерский чай – в пивную кружку кипятка, не меньше двух пакетиков чая, лучше три, и сахар.

«Кстати, – подумал Сергей, – почему бы не предложить ему чаю? А то как-то негостеприимно получается, человек пришел с днем рождения поздравить, а я...»

– Вы, наверное, раньше хорошим врачом были? – простодушно спросил байкер, отпивая осторожно принесенный Светланой горячий чай из чашки в мелкий голубой цветочек.

– Почему – был? – насмешливо спросил Саблин.

– Ну, до того, как вас в трупорезы поперли. Накосячили где-то, да? Или за пьянку выгнали?

Господи, сколько раз Сергею приходилось объяснять несведущим людям суть своей профессии! Надоело. Хотя парень вроде симпатичный, не надо бы на нем срываться и грубить, пусть и очень хочется.

– В медицине «косячить» нельзя вообще, – спокойно заметил он. – Ни в какой ее области. И не надо думать, что есть отрасли медицины, в которых пьянствовать нельзя, а есть такие, в которых можно. Это крайне опасное заблуждение.

– У вас тут морг, – со святой убежденностью произнес Макс. – Тут одни покойники, какая ж тут медицина? Медицина – это когда живых людей лечат, а тут уже мертвые.

– Ну и какая разница?

– Ну как... Чтобы живых лечить, надо много знать всякого, уметь и все такое, а с покойниками-то какая наука? Чего там особенного уметь надо? Разрезал да посмотрел, и всего делов. Любой сможет. Даже меня можно наблатыкать за пару

недель.

– Да? Хорошо, пошли со мной, – решительно произнес Сергей. – Посмотришь. А заодно и я посмотрю.

Он легко и незаметно перешел на «ты», и почему-то впервые в жизни ему это не показалось неуместным.

– На что? – Макс недоверчиво прищурился.

– На покойника. То есть на труп. Трупов не боишься?

– Да нет вроде...

– А смерти? Имей в виду: когда идет вскрытие, смерть всегда стоит рядом, за плечом у эксперта. Стоит, дышит ему в затылок и следит за каждым его движением.

– Зачем? – вытаращил глаза Максим.

– А ей интересно, сможет ли человек, обыкновенный смертный, пусть и очень квалифицированный и знающий, разгадать ее тайну. Она загадку загадывает и смотрит, разгадает ее эксперт или нет. Стоит и усмехается, еще и в ухо гадости всякие нашептывает. Не боишься?

– Да нет вроде... – повторил байкер, но на этот раз как-то не очень уверенно.

– Вот и славно. Пойдем. Я его вскрою, а ты посмотришь и скажешь, как там и чего.

– Да легко! – с воодушевлением откликнулся Максим.

Приготовленный для вскрытия труп был не криминальным, поэтому Сергей вполне мог допустить присутствие в секционной посторонних. Он попросил Макса подождать в приемной, переоделся и повел байкера на первый этаж в помещение морга. Макс шел спокойно, с любопытством оглядывался по сторонам и даже пытался сунуть нос в каждую приоткрытую дверь. Никакого

напряжения или испуга Саблин в нем не замечал. Это было странно. Обычно сохранение такого спокойствия лучше удастся женщинам, они почему-то меньше боятся смерти и покойников, ведь традиционно даже обмывание и одевание умерших поручалось именно представительницам слабого пола, в то время как сильный пол испытывал перед трупами и вообще всем, что связано с кончиной человека, просто-таки панический ужас, смешанный с отвращением.

В секционной Макс тоже держался ровно, не бледнел, не отворачивался, напротив, следил за манипуляциями Саблина с нескрываемым интересом и то и дело задавал вопросы:

– А это что? Ну надо же, а я думал, это ниже находится... А вот это что такое? А почему оно такое темное? А это разве такое маленькое? Я думал, оно больше. Ни фига себе! – воскликнул он, когда дело дошло до сердечной мышцы. – А почему посередине? Оно же слева!

Сергей только покачал головой, не прекращая диктовать медрегистратору. «Ну почему, – уже в который раз подумал он, – почему люди так мало интересуются собственным телом? Почему они ничего о нем не знают и знать не хотят?»

Перед выделением органокомплекса он сделал перерыв на пять минут и посмотрел на Макса, который к этому времени страшно расчихался и без конца утирал льющиеся из глаз слезы.

– Ну? И что ты видишь? Вот я тебе задачу облегчил, все, что сам увидел, вслух проговорил, ты слышал. Так что с человеком случилось? От чего он умер?

Макс пристально рассматривал разрезанное и раскрытое тело. Прошла минута, другая, третья...

– Ни хрена не понять, – удрученно констатировал байкер и снова чихнул. – А вы-то как тут разбираетесь? Это ж башку сломать можно, весь мозг набок съедет. Теперь понятно.

– Что тебе понятно?

– Что про трупорезов фигню всякую несут. Это ж до фигища всего знать надо, чтобы вот так работать.

Он полез в карман и достал огромный не очень свежего вида носовой платок, которым принялся утирать глаза и нос.

– Простыл, что ли, – пробормотал он.

– Да не простыл ты, – усмехнулся Саблин. – Это у тебя аллергия.

– Аллергия? На что? Сейчас декабрь, ничего не цветет, пыльцы нет никакой. Да я и не ел сегодня ничего такого, все как обычно.

– А у нас, Максим, в морге вечная весна, – мрачно пошутил Саблин. – Вечное, так сказать, цветение. У нас тут такие аллергены повсюду используются, что мама не горюй.

– Как же вы тут работаете? – удивился Макс.

– Вот так и работаем, – пожал плечами Саблин. – Все болеем поголовно, кто чем. А нам за это – сокращенный рабочий день и пол-литра молока. Только кого эти пол-литра спасут, когда здоровье окончательно угробишь... Ладно, продолжим. Если тебе надоело или плохо себя чувствуешь – иди, ты уже и так все увидел.

– Нет, – упрямо покачал головой байкер, – я останусь, если можно. Я еще не все понял.

Саблин посмотрел на него недоумевающе.

– И чего же ты не понял, друг Максим?

– Вы про смерть говорили... Про то, что она за спиной стоит... Я не почувствовал. А мне интересно. Можно я подожду? А вдруг почувствую.

– Ну, стой, – усмехнулся Сергей.

– А вы сами почувствовали? Была она здесь сегодня?

– Она и сейчас здесь, пока никуда не ушла.

– Сергей Михайлович, а как это... – байкер замялся. – Как вы ее чувствуете? Холод, что ли? Или воздух колеблется? Или звуки какие-то? Как? Мне на что внимание обратить?

Медрегистратор смотрела на него со странным выражением не то сочувствия к его простодушию, не то неодобрения, которое вызывали в ней разговоры о смерти. Была она женщиной немолодой, много повидавшей и проведеншей в секционной сотни и тысячи часов за долгие годы работы в морге, и про смерть знала побольше иных врачей.

– Ты, сынок, не жди, не присматривайся, – негромко сказала она, – смерть, если захочет, – сама тебе знак даст, тогда и почувствуешь, и даже сомневаться не будешь, сразу точно поймешь: вот она. Стоит рядом. А если специально ждать, то она не покажется. Она тоже прятаться умеет.

– Угу, – подтвердил Саблин, занимаясь органокомплексом, – слушай, что знающий человек говорит. Когда выйдем отсюда – напомним, я тебе таблетку дам от аллергии, а то ты весь на слезы и сопли изойдешь.

Исследование трупа, как и ожидал Сергей, оказалось несложным и недолгим. Нарезав кусочки для гистологии, он разрешил санитару зашивать тело и со словами: «Всем спасибо, все свободны!» – покинул секционную. Максим шел следом, не переставая оглядываться по сторонам.

– А хотите, я вам в морге стены распишу? И совсем бесплатно – только краски ваши? А то что у вас тут – мрачнота какая-то, серость, обыденность. Я бы вам такие стены сделал! И цвет можно подобрать для настроения, и рисунок сделать, хоть пейзаж, хоть абстрактный, какой хотите. Здесь же не одни только покойники, здесь ведь и люди работают, о них тоже надо заботиться, чтобы у них на душе было радостно. Человек должен видеть красоту, а не эти вот ваши монохромные стены мертвенного цвета. Как в морге, ей-богу.

Сказал – и тут же рассмеялся.

Сергей усмехнулся – Северогорский морг в стиле HEAVY METAL. Мечта любого гота! Да они сюда толпами повалят, вместе с доморощенными сатанистами и прочими неформалами.

– Нет, спасибо. У нас медицинское учреждение. С одной стороны, есть этические нормы, общепринятые устоявшиеся взгляды обычных людей на то, как должно выглядеть медицинское учреждение. А с другой стороны, есть требования СанПиНа, в которых указано, какого цвета должны быть потолки и стены, чем покрашены и так далее. Рисунков СанПином не предусмотрено. Но я могу тебя свести с директором похоронной службы, он как раз ремонтирует и оформляет по-новому Зал прощаний. Покажешь ему эскизы – может быть, и сговоритесь...

– А СанПин – это что за хрень? Начальник краевой, что ли?

– Это санитарные правила и нормы, утвержденные Минздравом и обязательные для всех медицинских учреждений.

– Так это для медицинских же! А у вас тут... Ой, простите, Сергей Михайлович, опять я пургу какую-то гоню, – смутился Максим. – Никак не перестрою мозги в том направлении, что ваши трупы это тоже медицина, да еще, пожалуй, и покруче, чем бабкам давление мерить или прыщи лечить.

Сергей стал подниматься на второй этаж, Максим следовал за ним как привязанный.

– Ты художник, что ли? – спросил Саблин.

– Ну... как сказать... – Байкер рассмеялся. – Вообще-то да, художник. Но работаю в школе, преподаю рисование и черчение, кружок веду по истории живописи, студию тоже веду, учу детишек рисовать. Ну и всякие там праздники оформляю, наглядную агитацию.

– Художник? – фыркнул Сергей. – Какой же ты художник, если строение человеческого тела не представляешь? Вас ведь должны специально учить, разве нет?

– Так скелет же только и мускулатура, то есть то, что проявляется во внешней форме. А внутренности всякие мы не изучали.

– А ничего, что ты байкер? Это твоей репутации учителя не вредит? – осведомился Сергей. – И облик у тебя несколько, сам понимаешь...

Он сделал неопределенный замысловатый жест рукой.

– Так облик-то только для байка, – пояснил Максим. – Я же в школу в «косухе» не хожу. Для работы у меня джинсы и свитер, как у всех.

– А прическа? – поддел его Саблин. – Ничего, что мужчина-учитель красит волосы? По-моему, это противоречит дресс-коду школьного педагога.

– А! – Максим беззаботно улыбнулся. – Это сейчас я еще приличный, все-таки возраст, сами понимаете, а раньше я вообще с такой головой в школу ходил! Меня завуч воспитывать замучилась. Потом отстали, когда поняли, что детям нравится: я человек творческий и их к творчеству приобщаю, а творчество – оно ведь рамок и канонов не признает, оно должно быть свободным и ничем не ограниченным.

За разговором они дошли до приемной, в которой Максим оставил огромного размера теплую длинную куртку. Саблин был уверен, что сейчас байкер оденется и уйдет, но тот не спешил прощаться.

– Вы мне еще таблетку обещали, – напомнил он, в очередной раз чихнув и шмыгнув изрядно покрасневшим носом.

Сергей завел его к себе в кабинет и стал рыться в ящике стола в поисках лекарства, которое всегда держал на рабочем месте.

– Держи, – он протянул Максиму продолговатую голубую таблетку, – выпей прямо сейчас, минут через двадцать все должно пройти. Иди-иди, – улыбнулся он, глядя на байкера, который мялся возле двери, – тебе Света водички нальет, запьешь лекарство. А мне переодеться нужно. И вообще, у меня рабочий день заканчивается.

– Сергей Михайлович, вы торопитесь? – с какой-то неожиданной робостью спросил Макс. – Я еще узнать хотел...

Вообще-то никуда Саблин особо не торопился. День будний, праздновать день рождения решили в субботу, а сегодня они с Ольгой просто посидят вдвоем, а может, и втроем, если Петя Чумичев не изменит своим привычкам. Сергей по дороге домой купит торт – он с детства любит сладкое, а Оля собиралась приготовить его любимый салат и нажарить свиных отбивных с толстым жирным краешком. Сама она считала такую еду крайне вредной для здоровья и допускала ее только по особым случаям. Но это все будет не раньше семи-восьми вечера, а сейчас только три... И в самом деле, спешить некуда.

Решение пришло неожиданно и в первый момент показалось Саблину даже каким-то странным.

– Макс, а давай ты будешь называть меня на «ты», – предложил он. – Тебе сколько лет?

– Тридцать четыре.

– А мне сорок один сегодня исполнилось, разница невелика. Значит, так: ты сейчас выходишь, я переодеваюсь, потом Света сделает нам чайку, раздобудет какой-нибудь еды, мы с тобой посидим, пообедаем, и ты спросишь у меня все, что хотел. Годится?

– Класс! – искренне обрадовался Максим. – Спасибо.

Светлана задачу поняла быстро, сбегала сперва к биологам, потом к гистологам, затем к Изабелле Савельевне и с миру по нитке собрала вполне достойный двух зрелых мужчин обед, состоявший, правда, в основном из принесенной накануне продукции Лялочки Таскон. Однако среди пакетов и пакетиков обнаружились и печенье, и конфеты, и даже одно яблоко и три мандарина. Ловкая Света изобразила из этого богатства весьма привлекательный натюрморт, который и внесла на подносе в кабинет начальника.

– Света, меня ни для кого нет, – сказал Сергей. – Я ушел. У меня день рождения. Вы тоже можете идти. И приемную закройте. У меня ключи есть.

– Я посижу, Сергей Михайлович, – ответила секретарь, – телефон ведь звонить будет не переставая, вам никакого покоя не дадут. А так я хоть отвечу, что вас нет, так они звонить перестанут.

Он почувствовал, что страшно проголодался, и набросился на еду, прихлебывая горячий сладкий чай с лимоном. Максим тоже ел с удовольствием. Оба молчали. Теперь уже Сергей недоумевал: зачем? Для чего он это затеял? Пригласил совершенно постороннего и абсолютно не нужного ему мужика вместе пообедать, да не в кафе или в ресторане, а в собственном служебном кабинете! Он что, с ума сошел? Ему заняться больше нечем? Он вчера еще наметил посмотреть в гистологии «стекла» по одному интересному случаю, вскрытие по которому проводил две недели назад Филимонов: выставленный им диагноз несколько удивил Сергея, и он решил сам проверить и убедиться в том, что эксперт-танатолог не ошибся. Вот и занялся бы. И литературу по специальности, совсем свежую, из Москвы прислали, тоже надо выкроить время, чтобы хотя бы пролистать.

Он в юности был душой компании, весельчаком и острословом, великолепным рассказчиком, к которому всегда было приковано внимание окружающих, но с годами Сергей Саблин стал нелюдимым, желчным и злым, сторонился новых знакомых и не был особо общительным. Ему достаточно Ольги для того, чтобы дружить, и Петьки Чумичева, чтобы выпить в сугубо мужской компании. А этот Максим... Зачем, ну зачем он предложил ему остаться?! Да еще позволил перейти на «ты», тем самым резко сократив дистанцию между ними, ту самую дистанцию, которую он в последнее время, с тех пор как стал начальником Бюро, строго соблюдал и настороженно следил за тем, чтобы ее никто не уменьшил. Справедливости ради надо сказать, что он первым начал называть байкера на «ты». Сергей это отлично помнил и потому злился на себя еще больше.

От недавнего хорошего и легкого настроения не осталось и следа. Надо поскорее закончить эти никому не нужные посиделки и уходить.

– Так что ты хотел спросить?

Максим торопливо дожевал пирожок с вареньем.

– Я хотел узнать: ничего, что я теперь совсем без селезенки?

– Выживешь, – коротко ответил Саблин, усмехнувшись.

– А для чего тогда она нужна, если без нее можно жить?

– Ты что, хочешь медицинский ликбез прослушать? Так на это у меня времени нет. Медицина не такая простая наука, чтобы ею можно было за пять минут овладеть.

Максим смутился.

– Да нет, мне просто интересно, на что способен человеческий организм. Вот без селезенки он обходиться может, это я понял, а как с другими органами?

И снова Сергей с удивлением почувствовал, что злость уходит, уступая место расслабленности и благодушию. Этот байкер Макс волшебник, что ли? Почему он так удивительно действует на Саблина? Не успев дать себе ответ на вопрос, Сергей пустился в неторопливые пространные рассказы о разных экспертных случаях, демонстрирующих невероятные способности человеческого организма.

Когда он был на сертификационном цикле в областном центре, коллега из Новосибирска поведал ему о вызове милиции и «Скорой помощи» к мужчине, которого ударили табуреткой по голове. Когда врачи прибыли на место, пострадавший лежал на полу лицом вниз, а из затылочной части головы торчала табуретка, ножка которой вошла в вещество головного мозга на целых восемь сантиметров. Так он мало того что выжил, он еще и на вопросы прибывших работников милиции отвечал!

– Вот как бывает, – говорил Сергей. – Бабка пришла в сельскую амбулаторию, голова у нее побаливает. Ей лекарство выписали, она пришла домой и стала его пить. А через какое-то время померла. И что оказалось? У нее в черепе гвоздь! Она его сама себе вколотила и ходила с ним, жизни радовалась, а потом вот головка что-то болеть начала. Неделью с гвоздем ходила.

– А зачем гвоздь-то? – спросил Макс.

– Да кто ж ее знает, захотелось, наверное, вот и вколотила. Сенильная деменция, по всей вероятности. Проще говоря – старческий маразм. Старая-то

она старая, а вот хватило же здоровья на неделю с такой травмой.

Байкер слушал очень внимательно, не сводя глаз с Сергея и даже прищурившись слегка от напряжения.

– Это много – неделя? – уточнил он.

– Для такой травмы – да. Но неделя – это что! Один мужик вообще тридцать один год с обломком клинка перочинного ножа ходил и в ус не дул. Ему в восемнадцать лет в драке ножом в голову заехали. Где-то после сорока лет стали головные боли мучить, его и лечили от гипертонической болезни, атеросклероза сосудов головного мозга и динамического нарушения мозгового кровообращения. У него еще и лишний вес был, ожирение, так что в диагнозе никто и не усомнился. Лечили-лечили, пока он не умер в сорок девять лет. И только на вскрытии нашли в черепе отломок клинка длиной шесть с половиной сантиметров. Жена и рассказала, что в восемнадцать лет его во время драки ударили. Кровотечение из раны быстро прекратилось, и потом обследование полости черепа никогда не проводилось. Самое смешное, что на наружной поверхности височной кости и кожи заушной области очевидных следов травмы не обнаружено. Никому поэтому и в голову не приходило, что у него в башке инородное тело сидит. Или другой пример тебе приведу: парню выстрелили в лицо из газового пистолета, так он целых три дня с пулей в голове ходил, колосся, чтобы головную боль снять, с медсестрами заигрывал в стационаре. И ничего, кроме головной боли, не чувствовал. Ну, шатало чуть-чуть. И только на четвертый день почувствовал себя плохо, а через несколько часов умер.

– Слушай, – задумчиво проговорил Макс, – а сколько крови должно из человека вытечь, чтобы он умер?

– А это тоже как повезет, – развел руками Саблин. – По общему правилу – если человек теряет больше двух литров крови, то наступает так называемое жизнеугрожающее состояние. Но вот был случай, мужик получил травму, в результате произошел разрыв нижней полой вены и почечной артерии, так он с такими повреждениями еще двенадцать часов прожил, из них – только последние два в стационаре, а остальные десять часов дома сидел, по улице ходил, что-то делал. Умер, вскрыли, а там кровь в брюшной полости и в забрюшинной клетчатке. Измерили объем – четыре литра крови из системы кровообращения утекло, а он еще жил и целых десять часов двигался и сознание не терял. Он и в больницу-то сам пришел, дескать, что-то

нездоровится ему, слабость какая-то и голова кружится. А другой мужик вообще выступил – не поверишь! Его ножом в сердце пырнули, так он еще полтора километра домой шел, рану тряпочкой прикрывал, а плохо ему стало только через шестнадцать часов, вот тогда он уже «Скорую» вызвал.

– Умер? – тихо спросил байкер.

– Какое там! Спасли. Жив-здоров. Алкаш был запойный. А со здоровьем опять же повезло.

– Да, – согласно кивнул Максим, – действительно повезло мужику со здоровьем. А правду говорят, что так везет в основном алкашам и всяким никчемным личностям? А хорошим людям не везет?

– Ну, это я не знаю, статистику не вел, – рассмеялся Сергей, – но опять же случай припоминаю, очень показательный. Молодая баба, беременная, на шестом месяце, напилась до полуобморока, ее изнасиловали бутылкой водки, она два-три дня провалялась в лесополосе, двигаться не могла – очень больно, потом добралась до трассы, ее там подобрали и до дома довезли. Десять дней прошло с момента события, когда она соизволила дойти до больницы. И что оказалось? Бутылкой ей порвали стенку влагалища, и бутылка прошла в брюшную полость. И с этим она десять дней жила. И выжила. Вот таким дурам всегда везет, бутылка закапсулировалась, отграничилась спайками с формированием абсцесса. А какая-нибудь хорошая девчонка сто пудов умерла бы. Эта ведь и чувствовала себя неплохо. Так, побаливало чего-то...

– Жуть какая, – пробормотал Максим вполголоса. – А вот есть что-нибудь такое, чтобы наверняка? Ну, такое, после чего никто и минуты не проживет?

– Да что ж тебя такие странные вещи-то интересуют! – удивился Сергей. – Ты молодой мужик, тебе жить да радоваться, смерти вон избежал по счастливой случайности, а ты все про нее, родимую, говоришь.

– Нет, ну правда, мне хочется понять, как жизнь из человека уходит.

Как уходит жизнь... Сергей Саблин тоже хотел бы это понять, с самого детства этим вопросом интересовался. А так до сих пор и не понял ничего.

– Наверняка – это только если голову отрубить гильотиной, во всех остальных случаях, как говорится, возможны варианты. Вот представь себе: парень попал под колеса паровоза, его разрезало на две части. То есть совсем пополам. Одна половина справа от рельса лежит, другая – слева. Отдельно друг от друга. Так он сообщил сотруднику милиции свою фамилию, имя, отчество, возраст, адрес да еще рассказал об обстоятельствах происшествия. Прожил еще сорок пять минут, из которых первые двадцать пять был в сознании, правильно оценивал происшедшее и отвечал на вопросы. Полтела – по одну сторону рельса, полтела – по другую, а он на вопросы отвечает.

– Это как? – шепотом спросил Максим. – Ты не шутишь? Не разыгрываешь? Этого же просто не может быть!

– Вот и все так подумали. При такой травме вся кровь должна была вытечь за считанные минуты. А она почему-то не вытекла, и мозговое кровообращение еще какое-то время поддерживалось. Когда вскрыли – поняли, что произошло. Оказалось, что реборда колеса и рельс сдавили брюшную аорту, и стенки сосуда как бы склеились, не позволяя крови вытекать. Но ты представь себе и другое: этот несчастный ведь должен был от болевого шока сознание потерять, а он его сохранял еще двадцать пять минут! Вот тебе и безграничные возможности человеческого организма. Они настолько велики и неисследованы, что иногда и убить-то себя – запаришься пыль глотать.

– Не понял, – озадаченно протянул байкер-художник. – Это как же?

– А вот так же! Женщина решила с жизнью расстаться, два раза выстрелила себе в грудь из мелкашки ТОЗ-16, ну, один раз – ладно, но на второй-то откуда силы взялись и самообладание? Так она после этого залезла на печку, легла, винтовку и коробку патронов рядом положила, то есть решила, что если так не помрет – еще раз стрелять будет. А на вскрытии у нее нашли сквозное пулевое ранение сердца. А есть такие, знаешь, упертые суициденты: у них намерение покончить с собой быстро не проходит. Вот опять же мужик ввел себе в сердце швейную иглу длиной четыре с половиной сантиметра, ходил с ней неделю, все ждал, когда конец наступит, а он не наступает и не наступает. Так он взял и повесился.

Случаев из экспертной практики Сергей Саблин знал много, в лице нового знакомого он нашел благодарного слушателя, и когда спохватился, было уже начало седьмого.

– Мне пора. – Он встал и начал собираться. – Поздно уже, меня дома ждут. Приятно было познакомиться.

– Мне тоже, – широко улыбнулся Максим. – Ты спортбар на Пролетарской знаешь?

– Проезжал на машине, а так – не заходил, а что?

– Я там арт-директором подвизаюсь, так что заходи, всегда обслужат в лучшем виде. Там в одном углу байкеры тусуются, в другом – обычные посетители, а есть еще отдельный зал с двумя телевизорами, там болельщики собираются. Обстановка нормальная, пиво хорошее, бочковое. Заходи. Глядишь, и пересечемся.

Саблину неохота было объяснять, что при его работе и – главное! – при его характере посещать спортбары нет ни возможности, ни желания. Поэтому он просто кивнул и ответил:

– Обязательно.

* * *

Наличие служебной машины существенно облегчало жизнь, через двадцать минут Сергей уже поднимался в свою квартиру. Дверь к Ильиным была распахнута настежь, из глубины квартиры доносился разгневанный голос Жанны Аркадьевны и тихий монотонный жалобный бубнеж ее драгоценного супруга, на лестнице, рядом с дверью, тосковали большой чемодан и туго набитая дорожная сумка. Дверь в квартиру Сергея тоже была приоткрыта. Все понятно, Кармен опять скандалит со своим Дантесом, а добросердечная Ольга прислушивается, чтобы в случае крайнего обострения ситуации кинуться на помощь. Так уже бывало.

Он тихонько вошел в прихожую, надеясь неожиданным появлением испугать Ольгу: настроение после чаепития с Максимом оставалось по-прежнему благодушным, и Сергей был не прочь пошутить или устроить розыгрыш. Однако едва сделав пару шагов по прихожей, он услышал, как на кухне Ольга с кем-то

разговаривает. Прислушавшись, Сергей понял и тяжело вздохнул: у них в гостях Ванда Мерцальская.

Девушка, с которой Оля познакомилась в больнице, частенько захаживала к ним в гости, причем Саблин точно знал, что сама Ольга никогда инициативу не проявляла и Ванду не приглашала, но если та спрашивала позволения зайти, не отказывала. О чем они разговаривали – Сергею было неизвестно, но точно так же неизвестно ему было, какие вообще темы для разговоров могут быть у этих столь непохожих друг на друга женщин, да еще при такой значительной разнице в возрасте. Впрочем, думал он, наверное, разница в возрасте имеет значение только для мужчин, а бабы в любые года найдут о чем поговорить.

Он на цыпочках приблизился к дверному проему и стал слушать, выжидая удобный момент, чтобы напугать дам и удивить, а еще лучше – поставить в неловкое положение и чем-нибудь смутить.

– Вот эти – чтобы грудь росла, – журчал нежный голосок Ванды, – там есть специальная программа, кому надо побольше, кому поменьше, для всех разное количество пилюль и в разное время суток принимать надо. А вот эти – чтобы ноги были длиннее, я себе взяла пять упаковок, как раз на год должно хватить. За год же ноги вырастут, правда, Ольгуша? Я понимаю, за два месяца, конечно, такого результата не будет, но за год-то... Вот ты медик, ты скажи, год – это достаточно или надо было больше взять, может, года на два?

– Да нет, я думаю, года достаточно.

В серьезном голосе Ольги Саблин уловил едва сдерживаемый смех.

– А давай я для тебя тоже закажу, хочешь? Этих БАДов нигде нет, они жутко дефицитные, их привозят из Индонезии или из Малайзии, я забыла точно, откуда. Но откуда-то издалека. Я договорюсь, чтобы для тебя тоже привезли. Правда, они стоят... Ой, лучше не спрашивай, но ведь это же нужно, красота-то дороже любых денег, правда? А вот эти – для талии, на десять сантиметров тоньше делается. И еще, – Ванда понизила голос, хотя на кухне они были одни, – там и для мужчин тоже есть таблетки. Может, Сереже надо? Тетка сказала, что вырастает прямо сантиметров на двадцать, а то и на сорок, если долго принимать.

Сергей плотно сжал губы, удерживая рвущийся наружу хохот. Ну Ванда, ну дурища! Что у нее в голове вместо мозга? Даже не опилки, наверное, опилками-то наверняка можно лучше соображать. И как Оля это все терпит?

– Ну куда тебе сорок-то сантиметров? – приснула Ольга. – Что ты с ними будешь делать?

– Да, это правда, – задумчиво отозвалась Ванда. – Сорок – это много, пожалуй. Но двадцать-то хорошо! Размер, форму – все можно подкорректировать, если правильно составить программу. А они составляют для каждого индивидуально, с учетом особенностей, состояния здоровья, возраста и все такое. В общем, серьезные люди.

– Ты что, всерьез во все это веришь? – спросила Ольга со смехом.

– Ну а что? Тетка такая приличная приходила, выглядит хорошо, на мошенницу не похожа. И у нее целое портфолио было с собой, фотографии тех, кто пил эти таблетки, «до» и «после». Знаешь, как впечатляет? Такая коряга была, а стала прямо модель.

– Ванда, мне кажется, что слово «портфолио» мужского рода.

– Да ладно, какая разница... Так заказывать для тебя? Ну, хотя бы для ног, грудь у тебя и так хорошая, а ноги и попу я бы подправила. Но это на мой вкус, конечно. Если Сереже нравится...

– Сереже нравится, – громко заявил Саблин, делая шаг вперед и появляясь на кухне. – Перестань портить мою женщину, я люблю ее такой, какая она есть, и не хочу, чтобы она менялась.

Ванда испуганно пискнула и вжала голову в плечи, а Ольга вскочила и обняла его.

– Ты давно тут стоишь? Подслушиваешь наши дамские секреты?

– Ну, насчет сорока сантиметров – это, пожалуй, уже мужской секрет, – шутливо отозвался он. – Мы праздновать сегодня будем или продолжим обсуждать

размерный ряд?

– Переодевайся, у меня все готово. Ты торт купил?

Торт он, конечно же, купить забыл: задумался о чем-то, сидя в машине, и проскочил мимо магазина.

– Ничего, – успокоила его Ванда, – я принесла пирожные, нам хватит.

Сергей прошел в комнату, чтобы снять костюм и сменить его на привычную удобную домашнюю одежду. Ольга, оставив гостью на кухне одну, стояла рядом с ним.

– Слушай, а почему у нас дверь опять открыта? Что у Ильиных сегодня? Кровавое побоище?

– Типа того, – усмехнулась она. – Кармен собралась уходить в табор.

– Куда?!

От неожиданности Сергей выронил вешалку с брюками и пиджаком, которую уже собирался отправить в шкаф.

– В табор, – невозмутимо повторила Ольга. – Ну, ты ж понимаешь... В общем, она пока только угрожает, а бедный Анатолий Иванович ее уговаривает передумать и остаться с ним. Я думаю, еще минут сорок, максимум – час, и она передумает.

– И давно она, с позволения сказать, думает? – иронично осведомился Саблин.

– Да часа три уже. В общем, когда Ванда пришла, процесс думанья был в самом разгаре. Сейчас уже ничего, на спад пошло.

Он стал надевать джинсы и толстовку.

– Петька не объявлялся? – спросил он.

– Объявлялся, грозился зайти. Я вот думаю, может, выпроводить Ванду, пока он не появился? Она девочка красивая, а Петька ходок известный. Нечего понапрасну соблазны подбрасывать неустойчивым людям, – задумчиво проговорила Ольга. – Как ты считаешь?

– Да ну брось! У Петьки такая жена, что ему никакие ванды не нужны. Оль, – он понизил голос до шепота, – как ты можешь это выносить? У меня мозги расплавились за три секунды, хотя я успел услышать совсем мало, а ты часами с ней треплешься. Как можно быть такой клинической дурой?

– Сереженька, смотри на это по-другому. Она чудесная добрая девочка, да, она глупа, и что? Зато она несет в себе огромный позитивный заряд, она как солнышко, все вокруг освещает и всех согревает. Ты целый день провел в морге, рядом со смертью, а тут тебе на блюде преподносят возможность вдохнуть свежего воздуха, чистоты и наивности. Ну разве плохо? Пользуйся, пока есть возможность. Пойдем на кухню, начнем торжественно ужинать и отмечать твой день рождения, а Ванда пусть трещит. Ты в слова-то не вслушивайся, ты слушай голос, мелодию, смотри на красивую молодую женщину, получай удовольствие. Расслабляйся. Других возможностей отстроиться от негатива у нас с тобой все равно нет.

– Ладно, – со вздохом согласился Сергей, признавая в глубине души, что она права.

Он постарался последовать совету Ольги и не вслушиваться в слова гостьи, а просто поглощать вкусную еду и впитывать в себя исходящее от Ванды легкое веселье и готовность бесконечно радоваться и удивляться всему подряд. Но к тому моменту, когда Ольга подала чай с пирожными, он все-таки не выдержал: врач взял в нем верх над усталым экспертом.

– Дай мне по одной таблетке каждого твоего препарата, я попрошу одного своего знакомого криминалиста посмотреть.

– Зачем? – непонимающе спросила Ванда.

Сергей перехватил одобрителный взгляд Ольги: она поняла, о чем он подумал. Ну в самом деле, мало ли чего туда намешали, отравится еще девка, не дай бог. Но и пугать молодую женщину понапрасну не хотелось.

– Ну как же, – перехватила инициативу Ольга, – эксперты посмотрят состав и скажут точно, сколько нужно пить, чтобы получился тот эффект, который тебе нужен. А то вдруг окажется, что если пить твои БАДы год, то грудь увеличится на два размера, а если два года – то на пять или шесть. Представляешь, какой будет ужас?

– Ну да, – растерянно кивнула Ванда, – на пять или шесть – это уже будет девятый-десятый, это мне много.

– Или ноги, – подхватил Сергей злорадно, – вырастут на метр. Представляешь, ты станешь на метр выше. Ты же себе мужика с таким ростом никогда не найдешь, а тебе надо замуж выходить, жизнь устраивать. Или вообще, вдруг это окажется наркотик? И сама пристрастишься, и еще, не дай бог, сядешь за распространение.

– На метр?! Да ну вас, ребята, вы меня разыгрываете, такого не может быть. Но вообще-то насчет мужиков – это правда, мужик сейчас низкорослый пошел, высоких-то наищешься... А насчет наркотиков – это что, на самом деле? Меня посадить могут? Но я же не знала, что там в этих пилюльках, я же думала, что это...

– Посадят, посадят, – злорадно подтвердил Сергей.

И только тут Ванда поняла, что над ней если и не издеваются, то дружески подшучивают, и с готовностью расхохоталась первая. Ванда вообще была не обидчивой и, несмотря на глупость, кое-каким чувством юмора все-таки обладала, во всяком случае, его хватало для того, чтобы посмеяться над собой.

– Ванда, кукла, нельзя быть такой доверчивой, – укоризненно произнес Саблин. – Что ж ты так буквально воспринимаешь все, что тебе говорят? Вот слушаю я тебя и вспоминаю случай из своей практики, такие же доверчивые люди попались. Пили втроем, один из собутельников плакать начинает и говорит, дескать, рак горла у меня, долго не проживу, если его оттуда не убрать. Двое других поняли все буквально и предложили помочь в извлечении рака. Намотали ему веревку на шею и давай тянуть изо всех сил. Несчастный хрипит, задыхается, а дружки его радуются: хорошо, говорят, рак выходит, щас еще чуть-чуть поднажмем – он и вылезет окончательно, и станет наш товарищ здоровым и веселым.

Ванда посмотрела на него с недоумением.

– И что, выдавили?

Сергей не выдержал и разразился неудержимым хохотом.

– Нет, – отсмеявшись ответил он, – не выдавили. Помер мужик. Удавили они его от большого старания. Ну, и сели, соответственно. Так я это к тому, дорогая моя Ванда Мерцальская, что не нужно все принимать на веру и понимать буквально. Фильтровать надо базар, понимаешь?

Ванда не успела ничего ответить, потому что незапертая дверь в квартиру распахнулась, и ворвался пахнувший полярным морозом и дорогой туалетной водой Петр Андреевич Чумичев.

Опасения Ольги оказались не напрасными: Петр, едва увидев красавицу Ванду, тут же распустил перья и начал с ней заигрывать. Ванде внимание Чумы льстило, он был хорошо одет и всем своим видом демонстрировал успешность в делах и в жизни в целом. Девушка находилась в постоянном поиске спонсоров, имея их одновременно по два-три и периодически меняя, поэтому флирт с руководителем отдела социальных программ крупнейшего комбината пришелся ей как нельзя более кстати.

Выпито было немало, съедено все подчистую, разошлись далеко за полночь. Разумеется, Петр Андреевич повез Ванду домой на своей машине.

– Саблин, – сонным голосом спросила Ольга, засыпая, – как ты думаешь, у Чумы с Вандой что-нибудь склеится? Мне так неловко перед Петькиной женой, она такая славная, мы с ней приятельствуем, а теперь получается, что я как сводня... Они же у меня дома познакомились, значит, если что – я буду чувствовать себя виноватой.

– Выброси из головы, – равнодушно ответил Сергей. – Не твоя проблема. Они взрослые люди, сами разберутся.

Ему не хотелось думать ни о Петькиной жене, которая и в самом деле была очень славной и весьма неглупой женщиной, ни о самом Петьке, который

постоянно крутил романы и романчики с молоденькими девочками, ни тем более о глупой и наивной Ванде Мерцальской.

Ему хотелось спать.

Глава 4

Зима миновала как-то уж очень быстро, даже несмотря на то, что здесь, за полярным кругом, она длилась чуть ли не до конца апреля. Сергей много работал, но старался в свободное время давать себе хоть какую-то, хотя бы минимальную физическую нагрузку. За эти месяцы он сблизился с байкером Максом и неожиданно для себя открыл прелесть пеших прогулок по городу в обществе человека явно неординарного, много знающего и обладающего нетривиальными взглядами на жизнь. И еще Сергея забавляла манера Максима выражать свои мысли: глубокие по сути, они были облечены в форму пацанского дворового лексикона.

– Ты и в школе так с детьми разговариваешь? – подшучивал над ним Саблин. – И с учителями? И даже с завучем?

– Нет, – смеялся Максим, – на работе в бюджетной организации я стараюсь держать себя в руках. Хотя один бог знает, чего мне это стоит. Не терплю я никаких рамок и канонов, мне свобода нужна.

Несколько раз, когда подсохло и потеплело, Максим давал Саблину свой байк прокатиться, каждый раз делая озабоченное лицо и объясняя, что настоящий байкер свою машину никогда никому не даст и он поступается принципами только из уважения к человеку, спасшему ему жизнь. Ездить на байке Сергею нравилось, и ближе к лету он всерьез озаботился тем, чтобы приобрести подержанный мотоцикл.

– Идея – супер! – радовался Максим. – Если хочешь, я тебе протекцию составлю, найдем отличную машину и недорого.

Но Сергей колебался.

– А держать его где? – спрашивал он.

– Да хоть у меня в гараже!

– А ты? Разве тебе гараж не нужен?

– Серега, не парь мне мозг, – морщился Максим. – Я свой байк в гараж только для технических работ пригоняю, а так он у меня всегда под задницей, я и на работу на нем езжу, и вообще всюду. На ночь возле дома оставляю. Но даже если что случится – гараж большой, там когда-то отцовская машина стояла, пока я ее не разбил, так что места и на два байка хватит.

В конце концов Сергей решился. Макс подобрал ему у знакомого байкера, собравшегося уезжать «на материк», хороший мотоцикл с относительно небольшим пробегом и замечательными ходовыми качествами. И – что немаловажно – очень дешево. Совершив товарно-денежный обмен, они – каждый на своем байке – отправились в ту часть города, где находился гараж.

– Держи ключи, – сказал Максим, когда они остановились перед одной из дверей в длинном ряду гаражей, – учись открывать, у меня замок с придурью, заедает.

Саблин сделал несколько неудачных попыток, пока, наконец, не нашел то положение бородки ключа, при котором механизм проворачивался и замок открывался.

Гараж и в самом деле оказался просторным, два байка здесь легко поместятся, и еще место останется.

– Осваивайся, – гостеприимно предложил Макс. – Походи, посмотри, где тут что, разберись, где свет включается, где кран с водой.

Сергей не спеша обошел гараж по периметру, отмечая, кроме обычных для гаража запахов бензина, машинного масла, ржавого железа и пыли, и другой запах, чужеродный для места, где хранится автотехника. Этот «чужой» запах почему-то ассоциировался с запахами кабинета химии, какими он помнил их еще со школьных времен.

Внутреннее пространство гаража имело не строго прямоугольную форму, в противоположном от входа углу имелось что-то вроде выгородки. Сергей из любопытства отодвинул матерчатую шторку, прикрывающую вход, и увидел небольшой закуток с верстаком, уставленным большим количеством банок и склянок, пузырьков и бутылочек, там же был и стеклянный змеевик. Аккуратным рядом лежали тряпичные мешочки, из которых торчали буроватые стебли неизвестного ему растения. Над верстаком тянулась закрепленная на вбитых в стену гвоздях веревочка, на ней сушились пучки травы, названия которой Сергей тоже не знал. Он поднял голову и заметил проделанное под самым потолком окошко.

– Ты что, самогон здесь гонишь? – крикнул он Макс, возившемуся на улице со своим байком.

Макс не ответил – видимо, не слышал. Сергей еще раз окинул взглядом самодельную лабораторию, хмыкнул и пошел к выходу.

– Ты что-то говорил? – спросил сидящий на корточках Макс, занимаясь задним колесом. – Извини, я не расслышал.

– Я спрашивал: ты что, самогон в гараже гонишь? Там у тебя прямо химкомбинат целый.

Ему показалось, что Максим не то смутился, не то смешался...

– Да нет, – с нарочитым безразличием ответил тот. – Это я так...

Продолжать ему явно не хотелось, а особо любопытным Сергей Саблин никогда не был.

Главное – у него теперь есть свой мотоцикл и есть место, где он может спокойно храниться всю рабочую неделю, и есть ключи от гаража. Значит, пока не наступят холода, можно будет ездить, ловя бьющий в лицо ветер, который выдувает из головы все тяжелые мысли и мрачные впечатления, трупный запах и вид развороченного кишечника. Можно будет ехать так быстро, что в какой-то момент возникнет ощущение стремительного удаления от всего, что привязывает эксперта Саблина к самой темной и страшной тайне человеческой жизни – к смерти.

* * *

Он гонял на байке все лето, не пропуская ни одного выходного, если, конечно, не было дежурства или срочной работы. Иногда ездил один, чаще – вместе с Максом, который первое время пытался приобщить Саблина к байкерской компании, но, встретив упорное сопротивление Сергея, оставил эту идею.

– Я не люблю скопления людей, – сказал ему Саблин. – Я – существо не общественное, бирюк, волк-одиночка. Это у тебя полно друзей-приятелей, а я в них не нуждаюсь.

– Как же ты живешь? – искренне недоумевал Максим. – Ведь люди – это же так интересно! Все разные, у каждого свои прибамбасы, своя придурь, и проявляется она у всех по-разному. Это ж сплошной кайф – с разными людьми общаться. Неужели у тебя совсем никого нет здесь, кроме твоей Ольги и меня? Ты еще говорил, одноклассник у тебя здесь, да?

– Да, Петр Андреевич, на комбинате трудится, руководит социальными программами. Ну, еще несколько человек есть, с кем мне приятно общаться, но близких отношений, конечно, ни с кем не завожу.

– Ну и с кем тебе приятно общаться? Расскажи, хоть знать буду, – хмыкнул Макс.

Сергей в двух словах описал заведующую танатологией Изабеллу Савельевну Сумарокову, эксперта-биолога Таскона и криминалиста Глеба, сына Татьяны Геннадьевны Кашириной, с которым он после того памятного празднования Дня милиции то и дело сталкивался во время дежурств. Если такое случалось, они с удовольствием общались, обсуждая самые разные предметы, но за рамки контактов в следственно-оперативной группе их отношения так и не вышли: больно велика разница в возрасте, целых шестнадцать лет. Для Саблина это было поистине непреодолимой пропастью.

Услышав о том, что Лев Станиславович Таскон давно и серьезно интересуется историей судебной медицины и знает массу прелюбопытнейших фактов, Максим то и дело просил Сергея рассказать «что-нибудь эдакое из старинной жизни судебных медиков» и восторгался, когда Саблину удавалось восстановить по памяти некоторые цитаты, которыми так и сыпал биолог. У художника-байкера

оказался весьма тонкий слух, он хорошо чувствовал слово и однажды даже сказал, услышав «...кто кого убьет так, что он не тотчас, но по некотором времени умрет, то надлежит о том освидетельствовать, что он от тех ли побоев умре, или иная какая болезнь приключилась...»:

– От тех ли побоев умре, или иная какая болезнь приключилась... Это ж с ума сойти! Представляешь, как можно это на полотне подать?

– На полотне? – удивился Саблин. – Ты имеешь в виду, написать картину с изображением умирающего от побоев, что ли? Или я чего-то не понял?

– Да ни фиги ты не понял, – рассмеялся Максим. – Ты за мелодикой фразы следишь?

– Нет. Я вообще не знаю, что это такое, – признался Сергей.

Максиму всегда удавалось удивить его или поставить в тупик. Все-таки он был очень нестандартным даже для такого нетипичного человека, как Сергей Саблин.

– Ну и не надо тебе, раз не знаешь, – махнул рукой байкер. – Я каждую фразу вижу графически, она у меня перед глазами плывет в виде полосок, зигзагов, вензелей всяких, окружностей... Короче, не парься, тебе это ни к чему. А вот когда ты про историю рассказываешь и цитаты приводишь, у меня в голове прямо целые полотна возникают. Без сюжета, абстрактные, но очень точно передающие и структуру фразы, и ее смысл, и даже настроение. Я тебе как-нибудь покажу, когда случай представится. Ты мне красивую цитату нароешь, а я тебе ее на холсте изображу.

Рассказ о Глебе Морачевском тоже вызвал у Макса живейший интерес, особенно когда Сергей, нахваливая молодого эксперта, упомянул о том, что он много учился и многое умеет.

– В наше время редко можно встретить молодого парня, который так увлечен своей работой, – говорил Сергей. – А он еще и не пьет. Вообще ничего. Можешь себе представить такое?

– Не могу, – честно признался байкер. – Может, у него дефект какой-нибудь? Ну там, со здоровьем или с головой непорядок? Какой-то он больно ангельский у тебя получился, только крыльев не хватает. Не бывает таких.

– Да я тоже думал, что не бывает, а вот присмотрелся к нему повнимательнее – и понял, что он настоящий, неподдельный. Трудоголик. А я трудоголиков уважаю, сам такой. Но дефекты у него есть, как же без этого, – усмехнулся Саблин. – По девкам он активно приударяет, крутит им мозги, а жениться не хочет. Говорит, что однажды уже был женат и ему надолго хватило впечатлений. Так что в этом смысле он нормальный.

– А-а-а, – протянул Максим с уважением, – тогда да. Слушай, а познакомь меня с ним, а?

– Зачем? – удивился Саблин.

– Ну так интересно же! Парень такой необычный, у него в голове, наверное, много всякого забавного есть, я люблю людей с изюминкой, ты же знаешь. Ты вот уж на что зловердный тип, хамский и наглый, – при этих словах Максим рассмеялся и хлопнул Сергея по спине, словно извиняясь, – но я тебя люблю, потому что у тебя внутри много всякого такого.

Какого «такого», он никогда толком не объяснял, но Сергею и без его объяснений все было понятно. Он быстро приспособился к манере Максима выражать свои мысли больше при помощи жестов и интонаций, нежели терминов и определений, и прекрасно ориентировался в потоке его слов.

Максим еще несколько раз просил познакомить его с криминалистом, но Сергею это казалось неуместным. Он даже и сам не знал почему. Просто чувствовал.

Общение с байкером-художником всегда поднимало Саблину настроение. Сперва он удивлялся тому, как положительно действует на него этот человек, потом привык и удивляться перестал, просто принял как факт и помнил об этом. И если в будние дни позволял себе справляться с мрачностью и тяжелым состоянием духа при помощи двух-трех рюмок крепкого спиртного, то в выходные его единственным лекарством стали поездки на байке и встречи с Максом.

* * *

В субботу Сергей планировал просмотреть «стекла», которые в течение недели старательно выбирал из гистологического архива: он собирал материал для научной статьи. Склонившись над окулярами микроскопа, он вполуха прислушивался к бормотанию включенного телевизора, стараясь не пропустить в конце выпуска местных новостей прогноз погоды на завтра, чтобы спланировать воскресный день. Хотелось использовать последние более или менее теплые и светлые дни перед наступлением длинной темной холодной полярной ночи. Ухо выхватило знакомую фамилию, произнесенную диктором, а затем послышался голос заместителя начальника горотдела внутренних дел, который с гордостью рассказывал о раскрытии преступления, не так давно взбудоражившего весь Северогорск:

– ...наши сотрудники сумели в кратчайшие сроки раскрыть преступление, совершенное, как у нас говорят, в условиях полной неочевидности. Ни очевидцев, ни каких-либо других свидетелей – никого, и орудие преступления тоже не обнаружили. Но оперативники проявили настойчивость и смекалку, – вещал он.

Сергей оторвался от микроскопа, протянул руку к пульту и прибавил звук. Дослушал интервью с замом по розыску до конца и злобно чертыхнулся. Ну и козел!

– Оль! – крикнул он.

Ольга, что-то читавшая, свернувшись клубочком на диване, оторвалась от книги.

– Что случилось? Не кричи, я тебя хорошо слышу.

– А интервью зама по розыску тоже слышала?

– Ты же громкость прибавил, – улыбнулась она. – А я не глухая пока. И что? Тебе что-то не понравилось?

Ему не понравилось! Конечно, ему не понравилось. Да при раскрытии этого преступления вся доказательственная база строилась исключительно на

заключении судебно-медицинского эксперта! В конце сентября в озере нашли полуразложившийся труп мужчины. Опознать по лицу было уже невозможно, но эксперт из отделения медико-криминалистической экспертизы смог восстановить пальцевый узор на двух пальцах, и это сделало возможным провести дактилоскопию трупа и проверить по информационной базе. Таким образом, имя потерпевшего установили, и выяснилось, что мужчина этот пропал без вести еще в июне. Сам труп был уже «гнилым», частично в стадии жировоска, к тому же весь покрыт тягучим липким илом. Вскрывал его один из тех двух экспертов-танатологов, о которых Изабелла Савельевна говорила: «Надежды на них никакой». Ну и дал он заключение о том, что «причину смерти установить не представляется возможным ввиду гнилостных изменений трупа». Вроде бы дело обычное, когда речь идет о таких трупах... Но у оперативников и следователя было другое мнение. Они установили круг подозреваемых и выявили главного и основного претендента на роль убийцы, которого и задержали в надежде на то, что заключение судмедэксперта даст им в руки доказательства его вины. Более того, они старательно «поработали» с задержанным, запугали его тем, что «судебные медики все точно установят и скажут, никуда тебе не деться», и выколотили из подозреваемого явку с повинной, пока он не опомнился. И вдруг такой облом! Судебные медики ничего не нашли и ничего сказать не могут. А как же суд? Какими доказательствами подпирать обвинение? Явка с повинной тут никак не прокатывала, поскольку на суде обвиняемый от всего откажется и в красках поведаст, как его били и всяческими иными способами прессовали злые дядьки-милиционеры.

И делегация в составе следователя и оперативников, а также парочки их начальников пришла на поклон к Саблину, который только-только вернулся из отпуска.

– Сергей Михайлович, выручайте! – взмолились они. – Не знаем, что делать. Дело разваливается. Не отпускать же махрового убийца-душегуба!

В принципе Сергей знал, что нужно делать в таких случаях, и прекрасно понимал, почему эксперт, вскрывавший труп, этого не сделал. Не был бы он в отпуске – сам бы вскрыл и произвел все полагающиеся манипуляции. А теперь придется заставлять эксперта это делать. Ладно, ничего, пусть поучится. Трудно? Еще бы! А кому сейчас легко?

Манипуляции и в самом деле были нелегкими. Труп нужно было натурально скальпировать, то есть отсепаровать всю кожу с туловища трупа, потом ее отчистить и отмыть под холодной водой. Эта работа занимает несколько часов, и на протяжении этих часов нет ни одной хоть сколько-нибудь приятной минуты. Зато в результате была найдена колото-резаная рана с явными признаками прижизненности, и рана эта находилась в подлопаточной области слева. То есть ударили потерпевшего ножом, да не в ногу куда-нибудь и не в руку, а прямо в сердце попали.

И вот теперь в телевизионной студии заместитель начальника горотдела, пришедший тогда к Саблину на поклон, сидел и с важным видом разглагольствовал о том, какие молодцы оперативники и какой умный в прокуратуре следователь, а о том, как судебно-медицинский эксперт несколько часов возился, снимая кожу с гнилого трупа и отмывая ее водой, никто и не вспомнил.

Кому же такое понравится?!

– Саблин, ты меня удивляешь, – спокойно и ласково ответила Ольга, натягивая плед, которым она укрывалась, до самого подбородка: Сергей курил в комнате, поэтому окно постоянно было открыто, и из него тянуло сырым холодным воздухом. – Это что, в первый раз происходит? Я знаю обо всех твоих экспертизах, я своими глазами вижу, чего тебе это стоит и каким ты приходишь с работы, и ни разу за все эти годы никто в средствах массовой информации не то что добрым словом не вспомнил – даже просто не упомянул судебных медиков. И никогда тебя это особо не злило. Согласна, это не просто несправедливо – это чудовищно несправедливо, но ты в экспертизе тринадцать лет, должен был уже привыкнуть. Чего ты именно сегодня так взъелся? У тебя были экспертизы и посложнее.

Почему именно сегодня? Он и сам не знал. Действительно, раньше как-то мирился, а сегодня вот взорвался.

– Оль, – тихо спросил он, – а может, я старею? Может, у меня переносимость падает?

Она встала с дивана и подошла к нему, глядя своими темными глазами в обрамлении невероятно длинных ресниц, которыми он за шестнадцать лет так

и не перестал восхищаться.

– Саблин, мы все стареем, это нормально. Не заморачивайся из-за этого. Не бойся ничего, у тебя впереди еще много лет активной работы. И перестань так болезненно реагировать на то, чего ты не можешь изменить. Одни работают – другие пожидают лавры. Так было всегда и всюду. Это закон жанра.

Смотреть «стекла» расхотелось, настроение испортилось. Сергей долго перебирал диски из своей коллекции вестернов, собрался было посмотреть любимый фильм «Веревка и кольт», но передумал: нежная печаль безысходности – это не то, что ему сейчас нужно. Выбрал что полегче – «спагетти-вестерн» Серджо Леоне. Но и это проверенное средство не помогло. На экране мелькали лошадиные морды, неизменно ассоциирующиеся у Сергея с понятием благородства и преданности, и каждый кадр, в котором он видел лошадь, отзывался болезненным уколом в груди: ну почему в животных есть эти качества, а в людях – нет?

Не досмотрев фильм, он выключил плеер и позвонил Максиму.

– Ты говорил, что в Северогорске есть старые конюшни?

– Ну да. А что, хочешь посмотреть? Не вопрос, – живо откликнулся художник. – Я тебя отвезу, все покажу. Когда ты хочешь? Завтра?

Сергею стало спокойнее. Завтра он встретится с Максом, своей Большой Таблеткой, и поедет туда, где раньше находились лошади и где, возможно, еще осталась аура чистоты и благородства.

* * *

– И все-таки мне не верится, что здесь были лошади.

Саблин упрямо покачал головой, разглядывая строение, бывшее, по заверениям Макса, когда-то конюшней: сработанное из добротных плах, оно стояло на сваях в два обхвата, и казалось, что северные ветры за много лет слизнули с него кожу, оставив только скелет. Стропила и верхние перекрытия кое-где упали внутрь, а листовая обшивка напоминала грязное кружево. Однако пол, как ни

странно, остался в целости и сохранности.

Максим нетерпеливо мотнул головой.

– Ну, смотри, вот это станок для правки подков, видишь? Стойла видишь? Ясли в них видишь? И кто тут, по-твоему, мог обитать? Свиньи, что ли? Или собаки?

– Но что они тут делали? Как вообще выживали? Я не понимаю!

– Как что делали? – удивился художник. – Работали. Их вовсю использовали, они грузы таскали до тех пор, пока железнодорожную ветку не построили до порта. А так – на лошадках. В шестидесятые годы в Северогорске еще «Скорая помощь» конной тягой пользовалась, между прочим. И вообще, на Севере лошадей много было, они и рыбацкие сани тянули, и ручные буровые установки волокли. В Северогорске целый цех гужевого транспорта был, даже начальники конной тягой не брезговали, пока персональные автомобили не появились. После войны, знаешь, как лошадки ценились! Автомобильная промышленность когда еще на ноги встанет, а грузы возить надо, людей возить надо, так у нас тут конюшни ставили с таким расчетом, чтобы до любого значительного объекта близко было. Как кому чего срочно понадобится – повозка тут как тут, хоть пассажира вези, хоть груз перемещай.

Он медленно шел вдоль бывшей конюшни, заглядывая внутрь, Сергей следовал за ним, жадно вбирая глазами каждую мелочь, пропитанную аурой животных, когда-то здесь живших. Ему казалось, что он каждой клеткой кожи ощущает тепло, исходившее много лет назад от крупных красивых лошадей, чувствует их запах, видит, как трясут они головами, и слышит издаваемое при этом фырканье.

– Давай внутрь войдем, – предложил он.

Внутри ощущение присутствия лошадей стало еще сильнее, Сергей поймал себя на том, что, бросая взгляд на перегородку, отделяющую стойло от прохода, ждет, что увидит лошадь, рослую, с крепкими ногами и мощной грудной клеткой, с узорчато вылепленным носом на крупной морде. И каждый раз, видя пустое стойло, вспоминал, что лошадей здесь давно уже нет. Но их присутствие было так дьявольски ярко... «Гены проснулись, – насмешливо подумал он. – Бабки-тетки были колдуньями. Поздновато, пожалуй, в сорок один год. Впрочем,

может быть, никакие это не гены, просто внушаемость и впечатлительность. Хотя какая у меня может быть внушаемость? И тем более впечатлительность! Я бы тогда судмедэкспертом и дня не проработал. Внушаемость – это стопроцентная профнепригодность эксперта, который не должен обращать внимания ни на что, кроме своего собственного внутреннего убеждения. А уж впечатлительность, да при работе в морге, да с детскими или, к примеру, гнилыми трупами...»

– Смотри!

Голос Максима вывел его из задумчивости. Сергей повернул голову и посмотрел в ту сторону, куда показывал байкер. На нескольких стойлах сохранились таблички с именами тех, кто здесь когда-то стоял: Муза, Мустанг, Ангар, Сердолик... Папа с мамой и сынок. И еще какой-то сосед. Мустанг – сын Музы и Ангара, в этом можно было не сомневаться, памятуя правила составления лошадиных кличек. Сергей замер, опершись ладонями о деревянные столбы и закрыв глаза. Он мысленно разговаривал с давно умершими лошадьми, точно так же, как разговаривал с теми, чьи трупы ему приходилось вскрывать. «Что с вами случилось, Муза, Ангар и Мустанг? Вы были семьей, вы стояли рядом, вы могли каждый день видеть друг друга, ощущать запах друг друга, слышать голоса. Что было в вашей жизни? Любовь? Привязанность? Или неприязнь? Кто из вас ушел первым? Наверное, Ангар, ведь он был таким мощным, таким неутомимым, и его использовали днем и ночью, не давая отдохнуть, и неразумно и быстро растратили весь его ресурс. Муза осталась вдвоем с Мустангом. А ты, Мустанг, в кого пошел? Если в отца, то и тебя ждала незавидная участь. А если в маму, изящную и невысокую кобылку, то, вполне возможно, твоя участь была предрешена с самого начала: в гужевом транспорте тебе не место. Значит, тебя поэксплуатировали немного и отправили в другое место для использования в каких-то других целях. Нет, вряд ли, в этом случае табличку с твоим именем сняли бы и заменили другой, на которой стояло бы имя той лошади, которую поставили сюда вместо тебя. А табличка до сих пор жива... Значит, ты был с родителями по крайней мере до того момента, пока не перестала функционировать конюшня... А что потом? Куда вас всех дели? Как вы доживали свой век? И сколько прожили? И как ушли?»

Почему-то Сергей ни минуты не сомневался в том, что Ангар был именно мощным и выносливым и умер раньше Музы. И в том, что Муза была невысокой и не особо сильной, он тоже был уверен. Вот только их сына Мустанга никак не мог себе представить.

Ему стало легче. Лошади, которые изо дня в день, в любую стужу, в этих местах доходящую, случается, до минус пятидесяти пяти, таскали немыслимой тяжести грузы и обеспечили строительство и выживаемость города при наверняка весьма скудном фураже, забыты. Никто о них не вспоминает, хотя именно благодаря им и стоит сегодня Северогорск. И огромное число людей живо до сих пор тоже благодаря именно гужевому транспорту. Но в памяти ничего не сохранилось... Честный и тяжелый труд остался неоцененным ни современниками, ни потомками и неоплаченным добрыми воспоминаниями.

Ну что ж, несправедливо в этой жизни поступают не только с судебными медицинскими экспертами.

Они посидели на остатках деревянного крыльца, помолчали и двинулись в обратный путь. Максим предложил сделать петлю и доехать до скал, откуда открывался немыслимой красоты вид на тундру, напоминающий пейзаж какой-то неведомой далекой планеты. Это было одним из его излюбленных мест.

– Мне всегда какие-нибудь идейки в голову забредают, когда я на тундру тарашусь, – объяснял он Сергею. – Вот ведь удивительное дело: вид один и тот же, а идейки каждый раз разные, друг на друга не похожие.

Саблин не возражал. Они домчались до скал, Максим постоял неподвижно минут сорок, только иногда переминался с ноги на ногу, потом лицо его озарилось улыбкой:

– Есть! Поймал мысль! Ну, ребята в спортбаре в аут выпадут, когда я сделаю так, как придумал.

Обратный путь пролегал мимо сбившихся в жалкую кучку нескольких домишек-развалюх, гордо именуемых «частным сектором». Сергей каждый раз страшно удивлялся: как можно здесь жить? Но, надо заметить, обитатель в этих хибарах был только один, во всяком случае, именно этого вечно небритого и вечно пьяного мужика было видно. Кроме него, они здесь никого не замечали.

Небритый алкаш был большим любителем свежего воздуха, и каждый раз, когда Сергей с Максом проезжали мимо «частного сектора», восседал на крыльце, опустив голову и что-то разглядывая на земле. Иногда в зубах у него дымилась сигарета и почти всегда рядом, на крыльце, стояла бутылка с самогоном и пара

открытых консервных банок.

Недалеко от крыльца к вбитому в землю столбу была привязана собака поистине устрашающего вида: небольшая, грязная, облезлая, она то покорно лежала на земле, положив некрасивую морду на лапы, то хрипло и заполошно лаяла в пространство, пытаясь оборвать веревку и вырваться на волю. Сергей, с детства не проходивший равнодушно мимо животных, с первого же раза обратил внимание на то, что в пределах досягаемости от собаки нет ни миски с едой, ни миски с водой и вообще не заметно каких бы то ни было признаков того, что животное кормят. Но если раньше ему удавалось просто заметить и проехать мимо, то сегодня, после посещения конюшен, что-то оборвалось внутри, и он нажал на тормоз. Ехавший впереди Максим, услышав, что звук работающего двигателя смолк, тоже остановился и оглянулся.

– Ты чего?

Саблин не ответил. Он подошел к калитке и громко крикнул:

– Хозяин! Эй, хозяин!

Дремавшая на привязи собака вздрогнула и приоткрыла глаза. Сидевший на крыльце алкаш нехотя поднял голову.

– Чего надо? – сиплым голосом спросил он.

– Слушай сюда, – все так же громко проговорил Сергей. – Если я еще раз увижу твою собаку привязанной, если я еще раз увижу, что у нее нет еды и воды, я тебя убью. Ты меня понял?

– А пошел ты на...

Алкаш грязно выругался и снова уткнулся глазами в землю между надетыми на ноги грязными резиновыми сапогами.

– Ты меня слышал? – грозно спросил Саблин. – Я по два раза не повторяю. Увижу, что ты плохо обращаешься с псиной, – убью и не поморщусь.

Он сел на байк и завел двигатель. Максим наблюдал за этой сценой, не сходя со своего байка, и увидев, что Сергей готов ехать, рванул вперед.

Уже возле гаража, когда Саблин ставил свой мотоцикл, байкер спросил:

– Ну, и что это было?

– Это было, – невнятно и хмуро ответил Саблин, давая понять, что к разъяснениям не расположен. – У тебя какое-нибудь оружие есть?

– Ну, есть, – кивнул Максим. – Пистолет, травматика. А что, надо?

– Оформлено, как положено?

– Да, и разрешение на хранение, и разрешение на ношение, все есть. Ты можешь толком объяснить, что случилось?

– В следующий раз, когда поедem к скалам, возьми с собой.

– Ты в уме? – Максим выразительно покрутил пальцем у виска. – Ты что собрался делать? Убивать этого кретина спившегося? И не жалко потом будет сесть из-за такого дерьма?

– Возьми с собой, – повторил Сергей и, не прощаясь, направился к остановке автобуса: от гаража Макса до центра города было не очень близко.

* * *

В следующие выходные поездка к скалам не состоялась, у Максима было много работы в спортбаре, который он собирался оформить в соответствии с новыми идеями владельца, и Саблин, проведя несколько часов в сладком книжно-компьютерном безделье, решил сходить к нему. Выпить пива, которое там действительно было хорошим, пообщаться с Максом, если у того выдастся несколько свободных минут, и заодно развеяться и отвлечься. Сергей всегда очень чувствовал атмосферу любого места и реагировал на нее. Пребывание в спортбаре среди здоровых веселых мужиков разного возраста, но

преимущественно молодых, азартно болеющих за «наших» и рвущих глотку в попытках сбросить накопившийся за рабочую неделю адреналин, словно наполняло Сергея свежей упругой энергией, которой хватало ему потом на несколько дней. Конечно, далеко не всегда в баре на Пролетарской «болели» истово и безудержно, все-таки игры с участием «наших», к каковым относились и российские сборные, и областные команды, проходили не каждый день, но сегодня – Сергей это знал точно – должен был состояться матч отборочного тура по футболу, очень ответственный для российских спортсменов. Значит, непременно будет и гул голосов, и истошные выкрики, и отчаянные стоны, и топанье ногами, и прочие атрибуты «болельщицкого» поведения тех, кому не удастся из-за климатических условий реализовать весь этот набор на открытых стадионах.

Большие сборища людей он никогда не любил, но уроки деда Анисима приучили его не нервничать и не раздражаться в переполненных орущими возбужденными людьми помещениях. Он при желании умел их просто не замечать, отстраиваясь от окружающей обстановки и погружаясь в собственные размышления. Репутация у спортбара на Пролетарской была хорошей, здесь не случилось ни массовых драк, ни поножовщины, и за все годы работы в Северогорском Бюро судмедэкспертизы Сергей не припоминал ни одного случая, когда из этого заведения доставляли бы потерпевших с серьезными травмами.

Увидев Саблина, устроившегося за столиком в той части бара, которая была предназначена не для болельщиков и не для байкеров, а для обычных посетителей, пробегающий мимо Максим затормозил и радостно воскликнул:

– О! Класс! У нас сегодня забойный матч! И пиво свежее привезли, сейчас бочки распечатывают. Ты уже заказал?

– Нет еще, думаю, что взять, – ответил Сергей, рассеянно листая скудное меню, набранное для солидности крупным шрифтом с огромными межстрочными интервалами, чтобы нехитрый ассортимент занял хотя бы несколько страниц.

– Бутерброды с красной рыбой сегодня не бери, – понизив голос, посоветовал Макс, – отстой полный. Возьми белую рыбку и ветчину.

– А из горячего что посоветуешь?

– Ну как что? У нас, кроме жареной картошки, и нет ничего приличного, сам знаешь. Но зато картошку жарят – полный улет! Бери, тебе же всегда нравилось. Серега, я помчался, мне тут надо... Короче, у тебя время есть? Часок просидишь?

– Надеюсь.

– Хочу тебе показать кое-что из моих придумок, ну, помнишь, то, что мне в голову пришло, когда мы в прошлое воскресенье на скалы ездили?

Сергей пообещал дождаться, когда художник освободится, сделал заказ и погрузился в свои мысли.

Он даже не заметил, как началась драка. Очнулся только тогда, когда краем глаза уловил массовое передвижение болельщиков в сторону ведущей на улицу двери. Замелькали куски металлической арматуры, послышался характерный звук выстрела из травматического пистолета. Сергей резко поднялся, опрокинув стул. Основное действие происходило на улице перед баром. Трудно предположить, что северогорские болельщики явились в спортбар посмотреть футбольный матч, вооруженные прутами и травматикой. Значит, оружие принадлежит каким-то пришлым, которые большой группой явились выяснять отношения.

Он не раздумывал ни секунды. Занимаясь в детстве и ранней юности боксом, больших высот Сергей не достиг и даже «кандидата в мастера спорта» не получил: слишком рано пришлось оставить занятия в секции из-за проблем со зрением. Но удар, поставленный тренерами, он сохранил. И бойцовских качеств не утратил. А уж помноженный на его нынешний вес удар этот мог оказаться поистине сокрушительным.

Выскочив из бара, он тут же «приложил» молодого рослого парня, угрожающе размахивавшего арматуриной, и собрался было разобраться со следующим, когда подкатили «уазики» патрульно-постовой службы и микроавтобус. Вооруженные милиционеры начали теснить дерущихся к стене здания. «Ну, я попал, – мелькнуло в голове у Сергея. – Сейчас меня заметут вместе со всеми, и завтра весь город будет знать, что начальник Бюро судмедэкспертизы участвовал в массовой драке, а послезавтра эта информация обрастет прелестными подробностями вроде того, что я был в стельку пьян, оказывал сопротивление при задержании, кричал, грязно бранился и угрожал

милиционерам всех их урыть, воспользовавшись своими связями». Вдалеке послышался вой сирен: к милиции ехало подкрепление.

«Быстро они примчались, – подумал он. – Наверное, конфликт назрел раньше, и кто-то заботливо позвонил в дежурную часть, как чуял, что дело до побоища дойдет. А я ничего не заметил...»

Он начал крутить головой в попытках найти выход из неприятной ситуации и вдруг почувствовал, как кто-то потянул его за руку. Сергей опомниться не успел, как понял, что его буквально тащат к узкому проходу между зданиями, которого он никогда прежде не замечал, хотя бывал в баре неоднократно. Едва протиснув массивный торс туда, куда его влек неизвестный в темной куртке и надвинутой низко на лоб шерстяной шапочке, он оказался в проходном дворе. Парень в куртке бежал впереди, Саблин изо всех сил старался не отстать. Миновав еще один двор, они оказались на параллельной улице и остановились.

– Ну, Сергей Михайлович, вы даете! – услышал он знакомый голос. – Что ж вы такие заведения-то посещаете? Несolidно для вашей должности.

Перед ним стоял криминалист Глеб Морачевский. Ничего себе!

– А вы-то что здесь делаете, Глеб?

– То же, что и вы, – усмехнулся тот. – Спасаюсь от ментов.

– Вы были в баре? – недоверчиво спросил Саблин. – Вы же говорили, что не пьете. Лгали?

– Не пью, – подтвердил криминалист. – Но в баре ведь не только пьют, там еще и общаются. Мне нужно было с приятелем встретиться. Зашел вот на свою голову. Не хватало еще, чтобы матери потом глаза кололи тем, что ее сынок в баре ввязался в драку. Да и самому неприятно, на работе тоже не похвалят.

– А что произошло-то? – поинтересовался Сергей. – Я как-то все пропустил, задумался, а когда очнулся – все уже в разгаре. Я так понял, конфликт назревал за какое-то время до начала драки? Уж больно быстро пэпээсники прибыли, обычно их не дождешься, а тут примчались.

– Ну да, – кивнул Глеб, – там какие-то приезжие из областного центра пришли «поболеть», слово за слово, начали права качать, с нашими сцепились, ну, наши байкеров на подмогу кликнули и пришлых выперли. Так они нашли где-то местную босоту с арматуринами и притащили в бар выяснять, у кого длиннее. Похоже, кто-то из администрации ситуацию просек и ментов заранее вызвал. Ну и правильно сделал. Хорошо, что я вас заметил, вам бы тоже ни к чему в «обезьяннике» париться.

– Это верно, – с благодарностью произнес Сергей. – Я ваш должник, Глеб.

– Да бросьте вы, – улыбнулся молодой человек. – Дорогу отсюда найдете? Или вас проводить куда-нибудь? Этот проход между домами мало кто знает, поэтому те, кто ходит на Пролетарскую, здесь обычно плохо ориентируются, не понимают, куда попали.

Саблин огляделся, нашел ориентир – кинотеатр «Полярная звезда» – и сообразил, куда идти дальше, чтобы попасть в конце концов к себе домой.

– Найду. Спасибо вам, Глеб.

– Кстати, Сергей Михайлович, если вы за своего приятеля беспокоитесь, то имейте в виду: с ним все в порядке, он на улицу не выходил.

Саблин в изумлении уставился на Морачевского.

– Вы о ком? О Максиме?

– Ну, это уж я не знаю, – засмеялся Глеб. – Я с ним незнаком. Просто видел, как он к вам подходил, вы разговаривали. Я вообще часто здесь бываю, мне удобно тут с друзьями встречаться, я ведь живу совсем рядом, и приятеля вашего постоянно вижу, знаю, что он в баре арт-директор. У него такая яркая внешность, что трудно его не заметить. Я видел, как он, когда драка началась, выскочил из служебной двери и побежал в «байкерскую» часть бара, но они ж не мобильные, у них куртки, у них каски, у них перчатки, и все это сложено или на полу рядом с ними, или на стульях, в общем, не могут они моментально подхватиться и выбежать, им их барахло дорогу перекрывает и не дает стул отодвинуть. Вот они и замешкались, а тем временем уже и менты подвалили.

Ну, слава богу! Конечно, ничего страшного не случилось бы с Максом, доведись ему оказаться в «обезьяннике» вместе со всеми, но лучше все-таки ночевать дома рядом со своей постоянной подружкой, с которой, как Сергею было известно, художник живет уже несколько лет и растит их общего ребенка. Почему они не регистрируют брак – Саблин не знал. Ему даже в голову не приходило об этом спрашивать. Ему было все равно.

* * *

Он всегда звонил в дверь, если знал, что мать дома, никогда в таких случаях ключами не пользовался. Татьяна Геннадьевна, сунув ноги в красивые тапочки, побежала в прихожую открывать дверь сыну.

– Мамуля! – радостно сообщил он, едва переступив порог. – Угадай, кого я сейчас встретил? И главное – где, при каких обстоятельствах?

О Кашириной как о следователе, заместителе прокурора или советнике мэра города по безопасности могли говорить все, что угодно, оценивая ее профессиональную деятельность, но никто никогда не смог бы назвать ее плохой матерью. Она знала по имени и в лицо не только всех друзей сына, но и его приятелей, девушек, даже случайных подружек, а также бывших одноклассников и нынешних коллег. Она сумела с самого детства выстроить отношения с Глебом так, что ему и в голову не приходило что-то скрыть от нее или чем-то не поделиться.

Они были настоящими друзьями, близкими и откровенными друг с другом.

Поэтому на вопрос Глеба Татьяна Геннадьевна начала со смехом перечислять всех, с кем был знаком ее выросший в Северогорске сын. Перечисление заняло много времени, на каждое ее предположение Глеб мотал головой или отвечал короткое «нет», и к тому времени, когда список закончился, он успел не только вымыть руки, но и съесть приготовленный матерью ужин.

– Все, – подняла руки Каширина, – сдаюсь. Больше никто в голову не приходит.

– С тебя фант, – улыбнулся Глеб. – Я встретил Сергея Михайловича Саблина.

Саблина? И что в этом такого? Начальник Бюро судебно-медицинской экспертизы живет в этом же городе, и город, хотя и не крохотный, но все-таки не Москва, так что нет ничего удивительного в случайной встрече. Каширина и сама постоянно сталкивается со знакомыми то в мэрии, то в салоне красоты, то в магазине, а то и просто на улице.

– Ну и что? – осторожно, даже с некоторой опаской спросила она.

– Мамуля, вся фишка в том, где и при каких обстоятельствах мы с ним столкнулись.

Он в подробностях рассказал ей об инциденте в спортбаре и о том, как смело и отчаянно ввязался Саблин в драку, о подъехавших милиционерах и об их совместном бегстве с места происшествия.

– Никогда бы не подумала, что Сергей Михайлович посещает такие заведения, – покачала головой Татьяна Геннадьевна. – Он мне всегда казался серьезным человеком.

Глеб, прищурившись, посмотрел на мать.

– Мамуля, а ведь он тебе нравится. А?

Она смешалась.

– С чего ты решил? Нет, он мне действительно очень нравится как начальник Бюро, тут и вопросов нет, но ты, как я понимаю, имеешь в виду несколько иной аспект?

– Ага, – Глеб широко улыбнулся. – Ты мне о нем рассказывала, когда он еще не был начальником Бюро. Помнишь? Я еще в областном ЭКЦ работал, а ты уже была здесь зампрокурора и так мне его нахваливала, уж так нахваливала, что я, признаться, уж подумал было... ну, короче, если что – я «за».

– Ты с ума сошел! – Татьяна Геннадьевна от души расхохоталась. – Ты о чем говоришь вообще, сынок? За что это ты, интересно, «за»?

– Да ладно тебе, он хороший мужик, я к нему специально присмотрелся после твоих рассказов. В общем, если ты надумаешь – я возражать не буду, пусть только он меня усыновит официально.

И расхохотался вслед за матерью.

Боже, как она любила такие вот уютные вечера и такие разговоры, которые не ведутся между матерью и сыном, а допустимы только между близкими друзьями! Как она любила смех Глеба, открытый, заразительный, при котором сверкали его белоснежные зубы и сияли зеленовато-серые глаза в обрамлении коротких, но очень густых и темных ресниц, создававших по краям век четкие, будто карандашом проведенные линии. Какой он у нее красивый! И какой добрый и покладистый!

Она решила продолжить разговор в том же тоне.

– Глебушка, а зачем тебе, чтобы тебя мой новый муж усыновлял? – шутливо спросила она. – У тебя же есть отец. Тебе разве одного недостаточно?

– О-о-ой, ну ты сказанула, – протянул он, подхватывая дурашливый стиль беседы, предложенный матерью. – Такой отец мне не нужен, от него одна головная боль. Недаром же ты с ним развелась, ты тоже не выдержала.

– Что значит – тоже? – подняла брови Каширина.

– Ну, я-то первым сбежал, в институт уехал поступать подальше от дома, только чтобы с ним не жить. Ну и ты после этого в браке надолго не задержалась, я еще первый курс окончить не успел, а ты его уже выгнала. Ох, как я обрадовался, когда ты мне позвонила и сказала, что разводишься с отцом! Прямо камень с души свалился.

– Глебушка, – она предостерегающе погрозила сыну пальцем, – так нельзя, мой хороший, это все-таки твой отец.

– Да ладно, брось, – его голос внезапно стал серьезным. – Биологический отец, как говорится, это не повод для знакомства. А реальным отцом он мне никогда не был, и ты прекрасно это знаешь. Ты для меня была и мамой, и папой, и даже

бабушкой, когда бабуля умерла. Ты для меня была всем. А он – никем. Меня для него не существовало. И его для меня, кстати, тоже. Так, тень отца Гамлета, бесплотный дух. Но, правда, кушал этот дух вполне материально и очень даже немало. А я смотреть не мог, как ты часами проводила время на кухне у плиты, чтобы его накормить. Ты! Женщина, красивее и умнее которой нет на свете, надевала фартук и жарила-парила-тушила-варила-пекла-терла без конца и без края. Да я его убить готов был!

Разговор стал Кашириной неприятен, и она постаралась сменить тему. Если мальчик хочет поговорить о личной жизни матери, то пусть лучше говорит о Саблине, чем о ее бывшем муже.

– Сынок, но ты уже слишком взрослый для того, чтобы тебя можно было усыновить, – улыбнулась она. – Таких больших мальчиков не усыновляют.

– Да-а-а? – он изобразил огорчение. – Ой как жалко-то! А я уже размечтался, как стану сыном начальника Бюро судмедэкспертизы и буду ходить к нему на работу, смотреть на трупы, на вскрытия, а потом ребятам рассказывать и хвалиться, какой я смелый. Ну, может, хоть в приемные сыновья меня запишут? Очень хочется породниться с такой выдающейся личностью.

– А он, между прочим, дважды не свободен, – заметила Татьяна Геннадьевна. – Во-первых, в Северогорске он живет со своей любовницей, которая вслед за ним приехала из Москвы, а во-вторых, дома, в Москве, у него есть официальная жена и ребенок. И разводиться он, насколько мне известно, вовсе не собирается. Так что давай поищем тебе другого папу, если уж тебе так хочется иметь отца.

Глеб встал со своего места, обошел стол вокруг, склонился над сидящей в кресле матерью и нежно обнял ее.

– Мамуля, – тихо прошептал он, уткнувшись лицом в ее волосы, – мне никто не нужен, кроме тебя. Нам с тобой так хорошо вдвоем, правда же? Если ты соберешься привести сюда какого-нибудь нового мужа, я ни дня с ним в одной квартире жить не стану, сразу соберу вещи и уйду. Спасибо тебе – мне есть куда уйти.

Она высвободилась из его объятий, потянула за руку, вынудив встать к матери лицом.

– Сынок, я все понимаю, нам с тобой действительно очень хорошо вдвоем, но так не может продолжаться бесконечно. И ты это прекрасно знаешь.

– Ничего я не знаю! Почему это не может продолжаться?

– Потому что тебе нужно жениться, создавать семью и заводить детей. И для этого тебе лучше жить одному. Пока ты живешь со мной, твоя личная жизнь не сложится.

– Это почему же?

Каширина подавила улыбку. Она отлично знала, как работает этот механизм. Как только молодой мужчина начинает жить один, на него наваливаются бытовые проблемы, справляться с которыми он не умеет. Сначала он радуется открывшейся свободе, приводит к себе все новых и новых девушек и женщин, но наступает момент, когда возможность отделаться от ненавистных хозяйственно-бытовых проблем перевешивает стремление к свободе. И тогда обладатель собственного, отдельного от родителей жилья становится мужем первой же женщины, которая сварит ему вкусный суп и хорошо погладит джинсы. И до тех пор, пока Глеб живет с матерью и бытовыми проблемами не мучается, он не женится. А ей так хочется внуков!

– Ты не сможешь девушку к себе привести, – уклончиво ответила она. – Я буду тебя стеснять.

– Интересное кино! – воскликнул Глеб. – А я что, не привожу сюда девушек? Я каждую свою девицу приглашаю к нам, чтобы ты с ней познакомилась, потому что мне важно твое мнение. И ни капельки ты меня не стесняешь. Ты вспомни, сколько девиц я сюда перетаскал, сколько литров кофе мы втроем выпили, а ты говоришь...

– Да, но ночевать-то они здесь не остаются, – лукаво заметила Татьяна Геннадьевна.

– Ой, мамуля, ну что ж ты о моей интимной жизни-то так печешься! – он изобразил скромность и смущение. – Мне, право, даже как-то неловко... У меня есть квартира, и если мне нужно, я отлично там проведу время с девушкой,

и совсем не обязательно ей оставаться здесь ночевать. Что у тебя за старомодные понятия: если близость, то непременно спать и непременно ночью. А не ночью что, нельзя? И что, при этом обязательно дрыхнуть без задних ног? Одним словом, мамуленька, я остаюсь с тобой.

Он поцеловал мать и снова сел за стол, на котором остывал недопитый кофе. Сделал глоток, поставил чашку и посмотрел на Каширину такими теплыми и любящими глазами, что у нее сердце начало таять.

– А если серьезно, мам, то мне нужна только такая девушка, как ты сама. Такая же умная, такая же самостоятельная, такая же красивая и добрая. И чтобы пироги так же, как ты, вкусные пекла. Ты для меня всегда была идеалом, я всех своих девиц сравнивал с тобой и понимал, что не смогу с ними жить, потому что они не такие, как ты. Мы с тобой скроены друг под друга. Ты можешь жить только с таким, как я, а я, соответственно, только с такой женщиной, как ты сама. Вот я потому тебе Саблина и сватаю, что он на меня похож. Неудивительно, что ты на него запала. Он такой же, как я, мы с ним одной крови. Наверное, я бы даже смог с ним ужиться в одной квартире. Во всяком случае, с ним было бы не скучно, не то что с моим отцом. А я обещаю тебе торжественно, что буду искать девушку, похожую на тебя. Никакой другой мне не нужно.

Остаток вечера Татьяна Геннадьевна провела за компьютером: сын накормлен, порядок на кухне наведен, костюм, в котором завтра она пойдет на службу в мэрию, отглажен и повешен на плечики, и можно заняться подготовкой документов для доклада на совещании. Настольная лампа уютно горит, освещая клавиатуру, верхний свет погашен, ей слышно, как в своей комнате тихонько напевает сын – у Глеба всегда был отменный слух, жаль, что мальчик не захотел обучаться в музыкальной школе. И так спокойно на душе у Татьяны Геннадьевны, так легко, так тепло... могло бы быть.

Ах, если бы все было так просто!

* * *

В ближайшую субботу Сергей с самого утра отправился в гараж за своим мотоциклом, предварительно заручившись обещанием Максима составить ему компанию при поездке к скалам.

– Пистолет возьми, – напомнил ему Саблин.

– Серега, может, не надо, – осторожно проговорил в трубку художник. – Ну что мы, сами не справимся?

В том, что они вдвоем справятся с хлипким алкашом, Сергей не сомневался ни минуты. Но это означало применение насилия, чего ему хотелось бы избежать. А демонстрации оружия может оказаться более чем достаточно, чтобы операция по освобождению собаки прошла тихо, быстро и бескровно. Вытащив из холодильника изрядный кусок колбасы, он достал с антресолей большой рюкзак, сунул в него нож и отправился в путь.

– Саблин, не забудь, в семь вечера мы должны быть в ресторане, – напомнила ему Ольга, когда он уже открывал дверь.

А ведь он и в самом деле забыл, увлеченный планированием поездки! Сегодня прокурор города отмечал юбилей и по этому радостному случаю пригласил в ресторан всех руководителей организаций и учреждений, так или иначе имеющих отношение к соблюдению законности и поддержанию правопорядка. Вся верхушка прокуратуры, органов внутренних дел, суда, нотариата, адвокатуры, сотрудники мэрии и прочие, и прочие. И, разумеется, начальник Бюро судебно-медицинской экспертизы. «С супругой» – как было указано в приглашении, доставленном Саблину прямо в кабинет.

Но до семи вечера он десять раз успеет вернуться, ведь еще только десять утра.

Максим ждал его, прислонившись к байку, возле гаража. До скал домчались быстро, Максим постоял, молча созерцая северный пейзаж, потом спустился и присел на холодную землю рядом с Саблиным.

– Серега, а если он испугался и послушался? Я имею в виду – этот алкаш, хозяин собаки. Вдруг он ее начал кормить и поить?

Сергей пожал плечами.

– Значит, мы ничего делать не будем. Мы подъедем, посмотрим, и если там все в порядке – спокойно поедем дальше. Покатаемся.

Но все оказалось далеко «не в порядке». Никаких признаков того, что собаке давали хоть какую-то еду, они не заметили. Более того, собака явно была нездорова, она лежала так, как лежат больные псы, на боку, вытянув лапы, и дрожала. Они не зря приехали.

Сергей слез с байка и сделал знак Максусу следовать за ним.

– «Пушку» достань, – сквозь зубы процедил он.

Хозяин дома спал на крыльце, закутавшись в рваную доху и издавая оглушительный храп. Рядом валялись пустые емкости из-под самогона и наполовину пустая банка с какими-то консервами. Собака настолько ослабела, что даже не прореагировала на приближение чужих, только глаза открыла. Саблин достал из рюкзака нож и одним точным движением перерезал веревку, обхватывавшую тощую собачью шею. Колбасу он взял для того, чтобы приманить собаку, но коль она в таком состоянии, то лучше ничего «неполезного» ей не давать. Как знать, она просто от голода страдает или чем-то по-настоящему больна?

Подняв несчастное животное на руки, Саблин с помощью Максима засунул псину в рюкзак, который водрузил себе на спину. Собака не сопротивлялась, видно, сил у нее не было совсем.

Они уже садились на мотоциклы, когда хозяин внезапно перестал храпеть и очнулся.

– Вы чего, вашу мать?! – заорал он хриплой дурниной. – Вы куда, суки, собаку тащите? А ну вертайте взад! Караул! Воры! Вот я вам сейчас...

Он тяжело поднялся и скрылся в хибаре. Пес за спиной у Сергея заворочался, и им пришлось замешкаться, пристраивая рюкзак поудобнее, чтобы он не сковывал движения и не мешал вести мотоцикл. Хозяин, несмотря на сильное опьянение, оказался проворным и спустя несколько мгновений вновь появился на крыльце. На сей раз в руках у него была двустволка, которую он неверными дрожащими руками пытался вскинуть.

– Серега, давай валить, – быстро прошептал Максим, – а то до беды недалеко.

Двигатели дружно взревели, байки рванули с места, им вслед донесся звук выстрела... Потом второй...

От гаража пришлось добираться, сидя на заднем сиденье мотоцикла Максима – не хотелось тащить рюкзак с собакой в автобусе. Когда Саблин вошел в квартиру, Ольга стояла у стола и гладила платье, в котором собиралась отправиться на вечернее мероприятие.

– Что это? – спокойно спросила она, глядя, как Сергей снимает рюкзак.

– Собака. Помнишь, я тебе рассказывал?

Она молча кивнула, не сводя глаз с облезлой морды, торчащей из рюкзака.

– Вот, я ее забрал. Не мог больше смотреть, как этот урод с ней обращается.

Она вздохнула.

– Почему ты мне не сказал, что собираешься забирать ее именно сегодня? Саблин, ну когда ты научишься сначала думать, а потом делать?

Он мгновенно разозлился.

– Я тебе говорил, что, если хозяин не начнет нормально ее содержать, я ее заберу! Я говорил тебе это несколько раз, и ты никогда не возражала, ты ни разу мне не сказала, что ты против. Или ты, как Ленка моя? Тоже «давала понять»? Я думал...

– Саблин, остановись, – примирительно проговорила она, подходя к рюкзаку и осторожно прикасаясь к собаке. – Я говорю совершенно о другом. Почему именно сегодня?

– А какая разница?

Он не мог понять, о чем она толкует, и от этого злость только разогревалась и готова была вскипеть.

– Разница в том, что сегодня мы должны уйти на несколько часов. Как ты предполагаешь оставить животное в полном одиночестве в новом месте? Собака уличная, и мы с тобой понятия не имеем, как ее воспитывали и к чему приучали. Ты готов к тому, что, когда мы вернемся с банкета, все твои книги и бумаги окажутся испорченными, твои ботинки – погрызенными, а пол покрыт нечистотами? Кроме того, собаку нужно немедленно помыть, вывести блох, показать ветеринару, нужно приготовить ей еду. Когда мы с тобой будем этим заниматься?

Сергей пожал плечами: он не видел в этом никакой проблемы.

– Ну, сейчас и займемся, – сказал он уже спокойнее. – У нас есть еще несколько часов, мы все успеем. И в зоомагазин сбегать, и помыть ее, и в ветеринарку отвести.

Ольга подумала и отрицательно покачала головой.

– Не получается.

– Почему?

– Потому что мне нужно уходить. У меня все рассчитано и расписано. Сейчас я глажу платье, потом твой костюм с сорочкой, потом кормлю тебя обедом, убираю на кухне и иду в парикмахерскую, у меня прическа и маникюр. Вернусь к шести. Все распланировано до минуты. И поход в зоомагазин за антиблошиным шампунем, а также визит в ветклинику никак сюда не вписываются.

– Но мне-то не нужно в парикмахерскую, – возразил Сергей. – Я сам...

– Что – ты сам? Я уйду, ты отправишься в магазин за всем, что необходимо иметь, когда в доме собака, а сама-то собака где будет в это время? С кем она останется здесь? Саблин, Саблин, ну когда же ты научишься смотреть хотя бы на полшага вперед?

Он удрученно молчал. Ольга была права. А мог ли он припомнить хотя бы один случай, когда эта женщина оказывалась не права?

– Почему ты не посоветовался со мной, когда решил забирать собаку именно сегодня? – с укором проговорила она. – Я бы тебе объяснила, что это нужно делать по крайней мере завтра, когда мы оба можем сидеть дома. А лучше всего – перед твоим или моим отпуском. Потому что животное на новом месте всегда требует пристального внимания и особой заботы, пока оно не притрется к хозяину, к обстановке, к режиму. Тебе никто этого не объяснял?

И в самом деле: почему он не сказал Ольге о своем намерении взять собаку именно сегодня? Он же всегда всем делился с ней, всегда все обсуждал. Или не все? Были, были у Сергея Саблина моменты, когда он считал, что прекрасно знает, как правильно поступить, и ни в чьих советах не нуждается. Даже в Ольгиных. Вот и сегодня... Может, зря он так понадеялся на себя самого и на свою способность принимать единственно верные решения?

– Оль, – расстроено произнес он, – но я ее уже принес. Мне что, обратно ее отвезти, а завтра забрать? Или через два месяца, когда у тебя будет отпуск?

Она помолчала, что-то обдумывая, потом решительно взяла в руки телефон.

– Я позвоню Ванде. Если она сегодня не работает, то выручит.

Он с облегчением понял, что самое неприятное миновало: выход из положения найден.

– А если работает?

– Тогда пойду на поклон к Кармен и Дантесу.

– Я сам, – твердо сказал Сергей. – Мой косяк – мне и кланяться. Ты Ванде позвони, она все-таки твоя подружка, а уж если она не сможет, то к Ильиным я пойду.

Ольга улыбнулась.

– Как скажешь.

Ванда, к счастью, оказалась свободна и легко согласилась выручить их. Она действительно была доброй и отзывчивой. А поскольку своих мужчин-спонсоров выбирала по определенным критериям, то уже давно была обладательницей симпатичной маленькой иномарки, на которой и примчалась за считанные минуты. Ольга быстро и ловко все организовала, распределив, кто куда и когда идет и что покупает или делает, и к половине седьмого вечера, когда им нужно было выходить из дома, ситуация более или менее прояснилась.

Собака оказалась женского пола, весьма немолодой, по оценке ветеринара – лет десяти-двенадцати, и не сказать чтобы уж очень здоровой, к тому же истощенной и ослабленной. Продукты, необходимые для приготовления лечебного питания, предписанного ветеринаром помимо собачьего корма, куплены, Ванда проинструктирована. Псина, которой дали имя Шуша, была тщательно промыта специальным шампунем от блох, раны обработаны, колтуны вычесаны, а те, с которыми справиться не удалось, безжалостно вырезаны. Жидкая кашка сварена и съедена с большим удовольствием. Гнездо, обитое мягкой тканью с рисунком из паровозиков, приобретено, застелено старым одеялом. Лекарства и шприцы куплены, первые уколы сделаны, таблетки, измельченные и смешанные с кашей, благополучно исчезли в собачьей пасти.

Когда Саблин и Ольга уходили на банкет, Ванда на кухне варила мясо для Шуши, а сама Шуша, успокоенная и даже как будто похорошевшая, лежала в своем гнезде и смотрела на новых хозяев настороженно и недоверчиво, словно боялась, что весь этот рай в любой момент закончится и ее снова отдадут алкашу и привяжут веревкой к столбу.

– Веди себя хорошо, – строго сказал ей Саблин, уходя. – Захочешь писать или какать – дай знак, Ванда тебя выгуляет. Не вздумай гадить в квартире – накажу.

Ольга усмехнулась и тираду эту никак не прокомментировала.

Вопреки ожиданиям Саблина, банкет по случаю юбилея прокурора Северогорска прошел очень симпатично, организован был по столичным канонам – с ведущим, предоставляющим слово согласно заранее составленному и согласованному списку и выдерживающим между тостами «правильную», хорошо просчитанную паузу, дающую возможность гостям как следует закусывать каждую выпитую рюмку, а заодно и общаться друг с другом. В просторном зале лучшего ресторана Северогорска были накрыты круглые восьмиместные столы, в холле за стойкой стояли очаровательные девушки, сообщающие каждому гостю номер

столика, за которым ему следует разместиться. Сергей с удовлетворением отметил, что хозяин праздника позаботился о приглашенных: формирование «восьмерок» для каждого стола было продуманным, с тем чтобы люди оказались знакомыми друг с другом и им было о чем поговорить. Кроме Саблина и Ольги за их столиком оказались Петр Чумичев с женой и Татьяна Геннадьевна Каширина, а также начальник следственного управления с супругой и какой-то неизвестный Сергею мужчина, который занял место рядом с Кашириной и принялся оживленно обсуждать с ней рассадку остальных гостей: кто удостоился, как и они сами, чести занимать три ближайших к месту юбиляра столика, а кто оказался «на выселках». Похоже, Каширина и этот мужчина были давно и хорошо знакомы. Сергей специально не прислушивался к их разговору, но ухо то и дело вылавливало в потоке речи знакомые фамилии, и он каждый раз удивлялся: неужели это может быть интересным? Какая разница, кого куда усадили?

Выступления поздравляющих перемежались выступлениями певцов и артистов местного драмтеатра, играл джаз-банд, и обстановка была скорее непринужденной, нежели помпезно-торжественной. Саблин и Ольга по очереди то и дело выходили в холл и звонили Ванде, но дома все было в порядке, Шуша попыталась присесть посреди прихожей, но была остановлена бдительной надсмотрщицей, которая при помощи резкого окрика и немедленной демонстрации поводка сумела донести до бедолаги, что означенное действие должно происходить не здесь, а там, где будет применяться этот самый поводок. Ванда вывела Шушу, которая все-таки не дошла до улицы и решила свою задачу на лестничной площадке, однако главный результат был достигнут: собака поняла, что делать это можно где угодно, только не в квартире. Ванда ужасно гордилась своими достижениями в роли дрессировщицы.

– Вот не зря говорят, что дворовые беспородные собаки самые умные, породистые им в подметки не годятся, – возбужденно докладывала она Сергею. – Шуша с первого раза все поняла, такая умница, такая лапочка!

Во второй половине банкета гости уже не сидели за столами, а свободно перемещались, общаясь и что-то живо обсуждая, пересаживались, менялись местами. Сидевший рядом с Саблиным начальник следственного управления отправился к столику юбиляра, а его место тут же заняла Каширина. Поговорили о том, как хорошо выглядит именинник, как замечательно и продуманно все организовано, одним словом, вели ни к чему не обязывающий легкий разговор, в котором активно участвовала и Ольга.

– Не знаете, танцы регламентом предусмотрены? – спросила ее Татьяна Геннадьевна. – Жаль, если нет. Я бы с удовольствием потанцевала с вашим другом. Редко встретишь в наших краях такого мужчину.

– Такого? – иронично переспросила Ольга. – Это какого же?

Каширина внимательно посмотрела сначала на нее, потом на Саблина:

– Такого, с которым хочется танцевать. – Выдержала паузу, во время которой Сергей так и не понял, что ему делать – то ли смеяться, то ли смущаться, то ли отвечать какими-то остроумными словами, и добавила: – У нас тут в основном мужчины, с которыми хочется решать вопросы и вести деловые разговоры, в таких мужчинах в Северогорске недостатка нет. Есть даже такие, за которых хочется выйти замуж. Чуть реже, но тоже встречаются экземпляры, которых хочется сделать своим любовником. А вот мужчину, с которым хочется потанцевать, я встречаю впервые в жизни. Вам очень повезло, Ольга Борисовна.

Ольга рассмеялась.

– Я знаю. И еще я знаю, что повезло не только мне одной.

– Вы хотите сказать, что Сергею Михайловичу тоже повезло? С вами?

– Нет, я хочу сказать, что повезло не только мне, но и его жене.

Саблин молчал, пыхтел и смотрел в тарелку. Зачем Ольга вспомнила сейчас о Лене? Зачем сказала об этом Кашириной? Что за игру ведут между собой эти две женщины? Игр он не любил, не понимал и участвовать в них не хотел. Насколько близки и интересны были ему тонкости его профессии, настолько далеки и непонятны были тонкости человеческого поведения.

Они ушла с банкета, как только позволили приличия. Минут за двадцать до ухода Сергей позвонил водителю служебной машины Сене, и к моменту выхода из ресторана автомобиль уже ждал их.

– Чего-то вы рано с праздника ушли, – заметил обычно неразговорчивый Семен. – Скучно, что ли? Или еда плохая?

– Весело, – грубовато ответил Саблин. – И еда отличная. У меня собака дома одна.

– У вас собака есть? – удивился водитель. – Вот не знал. И давно?

– С сегодняшнего дня.

– Щеночка взяли? – почему-то обрадовался Семен. – Какой породы? Большой будет, когда вырастет?

Сергей молчал, вместо него ответила Ольга:

– Взяли беспородную старую собаку, очень больную и запущенную, которая вот-вот умрет.

Голос ее был холодным и ровным, словно она говорила не о Шуше, которую собственными руками мыла и стригла, а о чем-то далеком и чужом. Семен странно дернул головой и больше ничего не спрашивал.

Настроение у Сергея резко испортилось, и до самого дома он с Ольгой ни о чем не разговаривал. Приняв вахту у Ванды, они отпустили молодую женщину. Шуша спокойно лежала в своем гнезде, и взгляд у нее уже был не настороженным, а спокойным и даже немного нахальным, дескать, я тут провела несколько часов и вполне освоилась, а вы кто такие? Сергей присел около собаки на корточки, погладил облезлую морду, почесал между ушами и отправился на кухню готовить шприцы для инъекций. Ольга, не говоря ни слова, вытаскивала из упаковок и вскрывала ампулы.

В абсолютном молчании они сделали уколы и перевязки. Наконец Саблин не выдержал:

– Оля, зачем ты так?

Он не стал объяснять, что имел в виду: был уверен, что она отлично все понимает. Так и оказалось.

– Я всего лишь сказала правду, – ответила Ольга. – Голую правду, чистую, неприкрытую. Саблин, мы с тобой не в том возрасте и не в той профессии, чтобы вытеснять неприятные мысли и делать вид, что ничего не происходит и все в полном порядке. Собака больна. Очень больна. Ты слышал, что сказал ветеринар. Долго она не протянет. Кроме того, она стара. Даже если бы она была здорова, возраст у нее уже солидный. Ты же врач, Саблин, ты знаешь, что чудес не бывает. Собака скоро умрет. Мы взяли ее не жить с нами долгие годы счастливо и безмятежно, а просто дожить свой век в человеческих условиях. Мы взяли ее на дожитие. И ты должен отдавать себе в этом отчет. Чтобы потом не было больно и тоскливо.

– Оль, это жестоко, – заметил он. – Так нельзя.

– А как можно? Делать вид, что у тебя на руках очаровательный здоровенький щеночек, который еще десять-двенадцать лет будет приносить тебе радость? И потом страшно недоумевать, когда он вдруг ни с того ни с сего начнет болеть и умирать? Недоумевать, горевать и отчаиваться? Ты считаешь, что ТАК будет правильно? Объясни мне свою позицию, Саблин.

Он помолчал, потом резко поднял голову.

– Я поставлю ее на ноги. Мы поставим. Ты мне поможешь. Мы ее выходим, и она еще поживет и порадуется. Вот увидишь.

Ольга молча поцеловала его, погладила по спине и отправилась принимать душ, а Сергей снова сел перед Шушей, заглядывая в ее тусклые серые глаза. Он говорил ей какие-то ласковые слова, уговаривал потерпеть неприятные и болезненные процедуры, обещал, что все в конце концов будет хорошо, трогал за лапы и уши, приучая собаку к своему голосу и запаху.

Вышедшая из ванной Ольга, завернувшись в длинный теплый халат, присела рядом, погладила Шушу по голове и пощупала нос.

– Холодный, – удовлетворенно констатировала она. – Лечение назначено правильно. Саблин, я никогда не подозревала, что ты – любимец дам.

– Ты о чем?

Он искренне не понимал, что она хочет сказать.

– Я? Я о Кашириной. Ты ей жуть как нравишься.

– Ты с ума сошла! С чего ты это взяла?

– Саблин, у меня есть глаза и уши, и я вижу, как она на тебя смотрит, и слышу, что и как она тебе говорит. Или не тебе, но в твоём присутствии. Она очень интересуется тобой, можешь не сомневаться.

Сергей выпрямился, разминая затекшие от сидения на корточках ноги. Заныла поясница, заломило колени. Елки-палки, ему всего сорок два исполнится через полтора месяца, а он уже превратился в развалину с этой работой, за которую никто и никогда не скажет ему спасибо. И как таким мужчиной может интересоваться Каширина? Красавица, умница, успешный юрист, советник мэра города. Да бред же полный!

– Оль, ты что-то не то говоришь, – с сомнением произнес он.

– Я, Саблин, говорю как раз то, – усмехнулась она. – Так что ты имей это обстоятельство в виду и веди себя аккуратно, если не хочешь осложнений.

– Слушай, перестань говорить ерунду!

Он и в самом деле рассердился.

– Это не ерунда, – негромко сказала Ольга. – Это совсем не ерунда. Я не собираюсь тебя ревновать, я только хочу тебя предостеречь: если ты поведешь себя неправильно и каким-то неосторожным действием дашь Кашириной повод почувствовать себя оскорбленной, головы тебе не сносить. Поэтому еще раз повторяю: будь очень аккуратным, когда общаешься с ней, следи за каждым своим словом. Впрочем, извини, – она улыбнулась, – я действительно сейчас сказала не то. Сергей Саблин, который следит за каждым своим словом, это уже не Сергей Саблин, а черт знает кто.

Сергей задумался, вспоминая все свои встречи и разговоры с Татьяной Геннадьевной на протяжении нескольких лет знакомства, начавшегося во время

его войны с педиатрами. Да, она всегда была доброжелательна, помогала, решала вопросы, с которыми он приходил к ней как к заместителю прокурора города по общему надзору, да и сейчас, став советником мэра Северогорска, она всячески демонстрирует ему свою приязнь и доброе отношение. Но не более того... Во всяком случае, так ему казалось до сегодняшнего дня. Конечно, все эти разговоры про «потанцевать» можно расценить как легкий флирт, но что в этом такого? Почему красивая свободная женщина на банкете, да после изрядной порции выпитого, не может слегка пококетничать и пофлиртовать с мужчиной, который находится здесь со своей гражданской женой, то есть заведомо не свободен, и развития эта ситуация иметь не может? И вообще...

Он не слышал зова. Того самого зова Женщины, который умел чувствовать. Того зова, который исходил от Ольги и которого никогда не было в его отношениях с Леной.

И здесь его тоже не было. В этом Сергей Саблин мог бы поклясться.

Часть шестая

Глава 1

К Новому году Саблин получил неожиданный подарок от областного Бюро судмедэкспертизы:

– Есть хороший парень, образование медицинское, работал у нас экспертом-биологом, прошел трехмесячную специализацию по общей экспертизе, хочет заниматься экспертизой живых лиц. То, что вам надо, – радостно гудел в трубке голос одного из руководителей областного Бюро. – У вас же на амбулаторном приеме полный провал, насколько я знаю?

Это было больным местом Сергея Саблина. На амбулаторном приеме работала только одна молоденькая эксперт, которая не справлялась с валом работы, поэтому освидетельствования проводила поверхностно, а заключения

составляла наспех, кое-как. Амбулаторный прием – работа не менее кропотливая, чем исследование трупов, только вдобавок еще приходится изучать множество медицинских документов. Найти эксперта на живой прием и занять вторую ставку Саблину никак не удавалось, и это стало его постоянной головной болью.

– А тут человек сам рвется на живой прием, никакой работы не боится, трудяга, каких мало, и в документах копать тоже любит. Вообще, Сергей Михайлович, я бы советовал вам присмотреться к нему, вы ведь уже два года в должности начальника, а до сих пор работаете без заместителя. Непорядок это, не годится так.

– Но я могу оставить Бюро только на Сумарокову, у нее достаточно опыта и квалификации, – возразил Сергей, – а она отказывается от должности зама, я ей сколько раз предлагал. Да и возраст у нее, она о пенсии подумывает.

– Вот-вот, – одобрительно крякнул областной чиновник, – и я о том же. Кадры нужно подбирать и расставлять. А Вихлянцев вполне может вам понравиться в качестве будущего заместителя, толковый, грамотный, трудолюбивый, организованный. И на Крайний Север хочет попасть, у вас все-таки зарплаты ого-го! Рядовой эксперт получает больше, чем начальник областного Бюро. Так что запомните: Юрий Альбертович Вихлянцев. Ну как, присылать?

– Конечно, – обрадовался Саблин.

Насчет должности заместителя начальника Бюро он еще подумает, а вот то, что представится возможность залатать дыру на «живом» приеме, – это очень даже здорово!

Юрий Альбертович Вихлянцев появился сразу после новогодних каникул. Был он строен, привлекателен и энергичен. О том, почему не захотел больше работать в отделении судебно-биологической экспертизы, рассказывал Саблину с насмешливой откровенностью:

– Понимаете, там одни женщины, самого разного возраста и степени привлекательности, и я – единственный мужик среди них. Разведен, возраст у меня самый подходящий практически для любой из них, от двадцати пяти до пятидесяти пяти, вот они и устроили на меня самую настоящую охоту. Можете

себе представить, какая обстановка царит в коллективе, где два десятка женщин интригуют по поводу одного мужчины? Да застрелиться легче, чем это терпеть! Бесконечные склоки, подставы, сплетни... Я и подумал: ну что я тут сижу, сперматозоиды под микроскопом считаю и варюсь в этом котле взаимной ненависти и постоянных склок? И работа не такая уж привлекательная, и обстановка ужасная. Вот и решил, что лучше буду заниматься экспертизой живых лиц. Мне это гораздо интереснее, да и с медицинскими документами работать мне нравится.

Саблину было немного странно слушать, как человек сам о себе такое рассказывает: все бабы из-за него, дескать, передрались. Вроде как хвастается. Но присмотревшись к Юрию Альбертовичу, он понял, что тот не хвастался, а просто честно рассказывал о том, что было, не считая нужным привирать и выдумывать какие-то несуществующие причины.

– Вы же понимаете, мне нужно было в любом случае менять специальность, потому что если бы я остался биологом, то мне пришлось бы работать в женском коллективе всегда, даже если бы я каждый год переезжал в другой город и переходил в другое бюро, – говорил он. – Пока я был женат, у меня проблем не было, а как только развелся – так и началось, никакой жизни не стало.

Сергей смотрел на него и думал о том, что Вихлянцев, пожалуй, не преувеличивает: он действительно дьявольски красив. Немудрено, что женщины по нему с ума сходят. И насчет возраста он очень точно отметил: достаточно молод, чтобы быть привлекательным для женщин моложе себя, и достаточно зрел, чтобы быть интересным для женщин старше себя. Почему-то совсем некстати вспомнилась Каширина: когда Ольга говорила о том, что Татьяна Геннадьевна проявляет к Саблину женский интерес, он отбрасывал эти мысли на том единственном основании, что она, как ему казалось, значительно старше. А может быть, возраст не имеет такого уж большого значения? Глядя на Вихлянцева, как-то не сомневаешься в том, что им может заинтересоваться женщина за пятьдесят, а ведь он, Саблин, даже и постарше нового эксперта, на целых четыре года постарше...

– Ну и финансовый вопрос, конечно, не последнюю роль играет, – продолжал между тем Юрий Альбертович. – У меня двое детей, и я хочу помогать бывшей жене их растить. А у вас надбавки северные, да экологические выплаты, да доплаты из муниципального бюджета огромные. Не стану кривить душой и делать вид, что для меня это не важно. Важно.

В этот момент он по-настоящему понравился Сергею. На Север все ехали за деньгами, это ни для кого не было секретом, но почему-то большинство стеснялось в этом признаваться. А ради чего, если не ради большой зарплаты, имело смысл терпеть жизнь в условиях, в которых жизнь, собственно говоря, невозможна? Вернее, она возможна только для субэтноса, то есть для народности, прожившей в этой климатической зоне не одну сотню лет. А уж житель средней полосы России к пребыванию в Заполярье был ну никак не приспособлен. Говорить о деньгах и о желании их заработать как-то вообще не принято в том поколении, к которому принадлежали и Вихлянцев, и сам Саблин, и искренность нового сотрудника мгновенно расположила Сергея.

– А в морге работать сможете? – спросил он, надеясь на то, что в случае ухода Сумароковой на пенсию удастся сохранить уровень экспертной работы в танатологии.

Юрий Альбертович задумался, потом кивнул:

– В принципе можно, но мне интереснее заниматься освидетельствованием живых лиц.

Саблин вспомнил, что Вихлянцев в самом начале разговора упомянул о своей любви к анализу медицинской документации. Нет, решительно этот сотрудник ему нравится! Отделение судебно-медицинской экспертизы потерпевших, обвиняемых и других лиц получит, наконец, нормального заведующего.

Это отделение, которое в сокращенном варианте принято было называть отделением освидетельствования живых лиц, или, если еще короче, амбулаторным приемом, находилось далеко от основной базы Бюро, в центре Северогорска, в городской поликлинике. В принципе можно было бы организовать помещение для отделения и в здании Бюро, при условии наличия отдельного входа и полной изолированности от помещения морга, но об этом следовало думать в тот момент, когда строилось здание, а теперь уж заниматься перестройками было поздно. К тому же расположение амбулаторного приема в поликлинике позволяло решать множество насущных задач, поскольку в самой поликлинике можно было сразу же пройти необходимые обследования и консультации у врачей-специалистов для подтверждения наличия телесных повреждений и более точного определения степени их тяжести. Сергей помнил, как это было устроено в Москве, и не

переставал изумляться идиотизму чиновников от здравоохранения: потерпевший, избитый и травмированный, приезжает на освидетельствование, ему эксперт дает направление в поликлинику по месту жительства на рентген или консультацию специалистов, человек со сломанными, к примеру, ребрами, рукой или ногой вынужден как-то добираться до этой поликлиники, зачастую причиняя себе еще больший вред нахождением в переполненном общественном транспорте, поскольку деньги на такси найдутся далеко не у каждого. И пройдя обследование, он в отделение экспертизы уже не возвращается, потому что мысль о еще одном этапе передвижения по городу приводит в ужас. В лучшем случае потерпевший приедет в отделение и привезет рентгенограмму или заключение специалиста, когда поправится или хотя бы будет лучше себя чувствовать, то есть спустя недели, а то и месяцы. В худшем случае – не приедет вообще, и экспертиза, для завершения которой эти документы необходимы, так и останется незаконченной. Незавершенные экспертизы и исследования скапливались в великом множестве в регистратуре амбулаторного приема и в самих кабинетах экспертов. Иногда документы терялись или приходили в негодность, и это становилось поводом для служебных расследований и организационных выводов. В Северогорске расположение отделения «живого» приема было весьма удачным, однако имело один недостаток: находилось далеко от руководства Бюро, что сильно затрудняло текущий контроль.

До прихода Вихлянцева на амбулаторном приеме работал один врач – молодая сотрудница, кроме того, были два медрегистратора и санитар. Понятно, что с работой был полный завал. Саблин неоднократно пытался перевести на «живой» прием кого-нибудь из танатологов, но желающих не находилось: слишком большой объем работы, напряженный график, необходимость постоянно задерживаться после официального окончания рабочего дня, а ведь именно сокращенный рабочий день и был столь привлекателен для женщин-экспертов, имеющих семьи: танатологи заканчивали работу в 15.00, врачи амбулаторного приема – в 15.45.

Юрий Альбертович полностью оправдал все авансы, выданные ему руководством областного Бюро: был работоспособным, организованным, никогда не жаловался на переработку, хотя задерживался в отделении каждый день как минимум часа на два-три, а то и больше. Сотрудницы амбулаторного приема смотрели ему в рот и выполняли все указания, будто заряженные его позитивной энергией. Одним словом, появление Вихлянцева в качестве заведующего резко повысило производительность и значительно уменьшило сроки производства экспертиз по медицинским документам.

Сергей, который до назначения Вихлянцева раз в неделю в обязательном порядке посещал отделение амбулаторного приема, смог наконец вздохнуть свободно и избавить себя от траты времени на выполнение этой обязанности: Юрий Альбертович сам регулярно приезжал в Бюро, докладывал о состоянии работы и обсуждал с Саблиным сложные случаи и механизмы образования той или иной конкретной травмы. Он не строил из себя всезнайку и никогда не стеснялся признаться в том, что чего-то не знает, и попросить проконсультировать.

Спустя несколько месяцев Вихлянцев настолько расположил к себе сотрудников Бюро, что сначала Изабелла Савельевна, а за ней и секретарь Светлана начали твердить Саблину: лучшей кандидатуры на роль заместителя начальника Бюро ему не найти.

И Сергей решил рискнуть. В мае он уехал в Санкт-Петербург, оставив Вихлянцева исполняющим обязанности начальника Северогорского Бюро судебно-медицинской экспертизы.

* * *

В Санкт-Петербурге именно в мае, когда у Саблина был отпуск, проходил цикл по той проблеме, которая очень интересовала Сергея. И он, не встретив понимания в областном Бюро, решил сам оплатить учебу и пройти трехнедельное повышение квалификации, потратив на это отпуск.

Разумеется, Лена в восторге не была.

– У тебя отпуск в такое замечательное время! – кричала она в телефонную трубку, когда Сергей объявил, что летит не в Москву, а в Петербург. – Мы могли бы поехать куда-нибудь! Дашку можно оставить с моей мамой, а мы с тобой могли бы съездить или на море, или в Париж, например, я давно мечтала...

– Мне нужно пройти обучение, – сухо твердил Сергей, стараясь не взорваться.

– Ну, хорошо, если тебе так приспичило учиться, нашел бы какую-нибудь учебу в Москве, дома бы побыл, с семьей. Дочь уже скоро забудет, как ты выглядишь! У тебя есть жена, между прочим, и дом, о котором нужно заботиться. О ребенке

я уже вообще молчу, ты, по-моему, и не помнишь, что он у тебя есть. Ну Сереженька, – она перешла на плаксивый просительный тон, – ну пожалуйста, приезжай домой, а? Поучишься здесь где-нибудь, а мы будем зато ходить вместе в рестораны, погуляем, в гости пойдем. А то все знают, что у меня муж вроде как есть, а никто его никогда не видел. Все уже думают, что я вру и никакого мужа у меня нет. Как раз в конце мая у нас в школе Последний звонок, и традиционно все педагоги собираются на сабантуйчик, и все, между прочим, с мужьями приходят, одна я как не знаю кто... А так мы вместе придем, и все увидят, какой у меня муж! И у подруги моей день рождения как раз в мае, придем с тобой вместе, пусть все обзавидуются.

Он все-таки взорвался.

– Лена, в Санкт-Петербурге проводится учеба по той проблеме, которая важна для моей работы, – с холодной яростью проговорил он. – Если тебе нравится получать от меня каждый месяц деньги, тебе придется терпеть все, что происходит, чтобы я мог эти деньги зарабатывать.

Денег Лена хотела. А вот терпеть не хотела. Поэтому бросила трубку, на звонки не отвечала, сама не звонила и вообще дулась и всячески «давала понять», что смертельно обижена и даже оскорблена таким пренебрежением: какая-то там учеба, важная для какой-то там работы, для ее мужа интереснее, чем совместное появление перед ее подругками и знакомыми.

Осенью Даше должно было исполниться семнадцать лет. Еще год – и она станет совершеннолетней. К этому времени девочка закончит школу, поступит, бог даст, в институт, а не поступит – работать начнет. В любом случае у Саблина появится моральное право развестись. И тогда он сможет жениться на Ольге.

Осталось ждать, в сущности, совсем немного. Всего-то полтора года.

* * *

Три недели учебы пролетели быстро, и Саблин отправился в Северогорск, не заезжая в Москву: с Леной он так и не помирился. Надо заметить, не сильно-то и старался, несколько раз позвонил, наткнулся на ее холодный тон и с облегчением почувствовал себя вправе тоже обидеться. Обижаться, конечно, не

стал, но и звонить больше не пытался.

Юлия Анисимовна, узнав, что сын в Москву не приедет, расстроилась. Но, видимо, быстро поняла, в чем дело: Лене она звонила постоянно и наверняка услышала в ее тоне или в ее ответах едва сдерживаемую обиду и на Сергея, и на всю семью.

– Я не могу не повидаться с тобой, – сказала она. – Если ты не планируешь заехать домой, то я приеду к тебе в Питер.

Сергей был рад, что можно и с матерью встретиться, и с Леной не общаться. Юлия Анисимовна приехала на один день, и Сергею показалось, что мать заметно постарела за то время, что они не виделись.

– Папа не очень хорош, – с грустью призналась она. – Что-то он совсем сдал. Жаль, что вы не повидаетесь в этот раз. Он скучает по тебе, сынок.

Первым порывом было все-таки съездить в Москву, побыть у родителей, но мысль о том, что нужно будет жить в одной квартире с Леной и ложиться с ней в одну постель, показалась чудовищной. А если не жить дома? Приехать, явиться к родителям, провести у них несколько дней и уехать. Ленка и не узнает ничего. Но это означает признаться матери, что брак не просто дал трещину – он разваливается на части, если уже не развалился полностью. И терпеть ее понимающие укоризненные взгляды: дескать, я тебя предупреждала, я тебе говорила, что она для тебя не подходит, вот видишь, я оказалась права, а ты был не прав, когда мне не верил. Нет, такого Сергей не хотел.

Лучше он проведет остаток отпуска с Ольгой, выпится, навалется всласть на диване, начитается, насмотрится своих любимых вестернов и наездится на байке – сейчас самый сезон для этого. Можно будет даже Шушу засунуть в рюкзак и взять с собой на природу, пусть псина погуляет, на мир посмотрит, а то ведь, наверное, кроме столба с веревкой возле хибары и саблинской квартиры, и не видела ничего в этой жизни. Ну, еще окрестные улицы, по которым ее выгуливали Саблин и Ольга. Не бог весть какое разнообразие впечатлений.

Шушу они с Ольгой старательно пролечили, она заметно повеселела, обросла шерстью, поправилась и радовала их своим цепким умом, понятливостью

и дружелюбным нравом. Хотя и Сергей, и Ольга отчетливо видели: собака стремительно стареет, и все случится уже совсем скоро.

Остаток отпуска Сергей провел именно так, как запланировал. Разумеется, он каждый день звонил в Бюро Светлане и выслушивал от нее полную сводку происшествий: кто взял больничный, кто опоздал или ушел с работы раньше времени, какие трупы поступили для проведения исследований или экспертизы, кто с кем вступил в конфликт и даже в каком месте здания Бюро перегорела лампочка. На Вихлянцева Светлана не жаловалась и каждый раз говорила:

– У нас все нормально, Сергей Михайлович, отдыхайте спокойно.

Его то и дело подмывало позвонить Юрию Альбертовичу, но Сергей каждый раз одергивал себя: если хочешь проверить, как человек работает, дай ему возможность работать. Пусть делает так, как считает нужным, а ты потом оценишь результат. Нечего вмешиваться. Доверил человеку исполнять твои обязанности – вот и пусть исполняет.

В назначенный день Сергей Саблин появился в Бюро и был приятно удивлен тем, что в его кабинете не оказалось ни малейшего следа присутствия Вихлянцева. Все выглядело в точности так, как было в его последний перед отпуском день.

– Света, а где Юрий Альбертович сидел? – спросил он озадаченно.

– Здесь, а где же еще?

– Но все выглядит так, словно его тут не было, – заметил Саблин. – На столе ни один предмет не передвинут.

– Так он за вашим столом и не сидел, – пояснила секретарь. – Он вот тут сидел, на стульчике для посетителей, я ему из приемной столик отдала, на котором у меня чайник с чашками для гостей стоит, вот он на нем бумаги разложит и сидит, как курица на жердочке. Я ему предлагала за ваш стол сесть, а он отказывался.

– Почему?

– Говорил, что это неприлично. Неудобно ему было, неловко. Ваш стол – это ваш стол, а я, говорит, никакой не начальник, а просто временно исполняю обязанности, и за столом настоящего начальника мне сидеть не полагается.

Саблин пожал плечами и начал доставать бумаги из сейфа. Но деликатность Вихлянцева мимо его внимания не прошла.

Юрий Альбертович появился спустя полчаса с подробным отчетом обо всем, что произошло за истекший период. Налаженная Саблиным работа Бюро судмедэкспертизы никаких сбоев пока не давала. Единственным упущением Вихлянцева оказалось то, что он не проверял акты исследований и экспертиз, которые сам Саблин, как и обещал когда-то своим сотрудникам, читал в обязательном порядке и очень внимательно и частенько заставлял по многу раз переделывать.

– Но вы мне этого не поручали, – виноватым голосом произнес Вихлянец. – Я понимал, что это нужно делать, но поскольку вы ничего мне об этом не сказали, я не считал возможным вмешиваться в работу экспертов. Я подумал, что вы просто не уверены в моей квалификации, потому и не поручили мне проверять акты.

Ну что ж, Саблин, сам виноват. Забыл. Твое упущение. А в целом Юрий Альбертович показал себя вполне готовым к выполнению функций заместителя начальника Бюро. «Вот еще раз оставлю его исполнять обязанности во время моего следующего отпуска, посмотрю, как он будет проверять акты, и если меня все устроит – сообщу в областное Бюро, что можно назначать мне заместителя», – решил он.

* * *

– Теперь ждите.

Ветеринар выбросил в мусорную корзину пустую ампулу и сочувственно посмотрел на Сергея. Был он немолод и повидал на своем веку не один десяток хозяев, провожающих своих питомцев.

Сергей вышел из кабинета, держа на руках Шушу. Где бы присесть? Здесь, в коридоре, где сидят в очереди на прием люди с болеющими, но живыми кошками, собаками, хомячками и птичками? Нет, исключено. Кажется, с тыльной стороны здания он видел скамейку...

Скамейка был грязной, видно, те, кто ею пользовался, предпочитали отчего-то садиться на спинку и ставить ноги на сиденье, но Саблину было наплевать на чистоту джинсов. Он сел, устроил Шушу поудобнее, подложив руку ей под голову, и попытался заглянуть в собачьи глаза, уже полуприкрытые и мутнеющие. Хотел было поговорить с ней в последний раз, пошептать что-нибудь ласковое, успокаивающее, чтобы она не боялась, но в горле встал ком, мешающий издавать звуки.

Он впервые в жизни почувствовал движение смерти. Та смерть, которая стояла у него за спиной в секционной, была язвительной, насмешливой и неподвижной. Она просто стояла, наблюдая за тем, как врач разбирается с результатами ее деятельности. Ей было, в общем-то, все равно, она свою задачу выполнила и в момент вскрытия была абсолютно безвредной, тихой. Сторонний наблюдатель, не более того.

Сейчас она пришла и стала гладить обмякшее тело Шуши, примериваясь, с какой стороны начать забирать ее. Сергей кожей чувствовал ее присутствие, ее дыхание, которое, вопреки ожиданию, оказалось вовсе не смрадным. Оно было прохладным и пахло льдом. «Разве у льда есть запах?» – мелькнуло в голове.

Страх не было. Не было ничего, кроме боли от рвущихся ниточек, связывавших две души: его и собачью.

– Пусть ей не будет больно, – прошептал Сергей, обращаясь неизвестно к кому.

На самом деле он знал, с кем разговаривает, но не хотел себе в этом признаваться.

– Пусть она не поймет, что происходит. Пожалуйста, ты же можешь, ты умеешь сделать так, чтобы существо покинуло этот мир спокойным и счастливым. Ну пожалуйста, я прошу тебя...

Прохладное дыхание, которое он ощущал справа, там, где находились хвост и задние ноги собаки, переместилось влево, туда, где на руке Сергея лежала голова Шуши с уже почти закрывшимися глазами. Смерть решила пощадить ее, не наступать медленным постепенным параличом сначала нижних конечностей, потом верхних, изматывая осознанием невозможности ничего изменить. Она переместилась к мозгу. Сергей не отрывал взгляда от морды Шуши. Глаза закрылись, дыхание становилось все реже...

Она была такой теплой, и шерсть шевелилась под дуновением ветра, и невозможно было поверить, что больше никогда... Внезапно Сергей почувствовал, что смог продохнуть. Он больше не ощущал присутствия смерти. Она ушла. Сделала свое дело, сделала хорошо, на совесть, аккуратно, быстро, щадяще, и ушла.

Он наклонился к голове Шуши, поцеловал ее в морду, прошептал:

– Девочка моя, до свидания.

По лицу текли слезы, но Саблин их не чувствовал.

* * *

Две недели Саблин ходил с черным лицом и разговаривал сквозь зубы. На работе сотрудники старались не попадаться ему на глаза: никто, кроме Светланы, не знал о том, что Шушу пришлось усыпить, и все боялись, что плохое настроение начальника связано с их персональными промахами. Светлана же, предупрежденная Саблиным, молчала, как партизанка, и на вопросы о том, почему шеф не в духе, только молча пожимала плечами.

– Саблин, так нельзя, – говорила ему Ольга. – Ты позволяешь себе распускаться. Соберись, пожалуйста.

– Ну как ты можешь! – негодовал он. – Неужели тебе не жалко собаку? Не думал, что ты такая черствая.

– Я не черствая, Саблин, – вздыхала она, – я рациональная. Когда ты брал собаку с неизвестно какой наследственностью, ты должен был предполагать, что у нее

может быть не все в порядке. Когда ты брал собаку, прожившую долгое время в плохих условиях, ты обязан был предполагать, что у нее может оказаться масса болезней. И наконец, когда ты брал собаку неизвестного тебе возраста, ты не имел права не подумать о том, что она может оказаться очень старой и долго не проживет. Ничего неожиданного не случилось. А ты почему-то оказался не готов к такому исходу. Все произошло совершенно закономерно. Это закон жанра.

И он не мог в глубине души не признать, что Ольга права. Сергей и сам от себя не ожидал, что будет так болезненно переживать смерть Шуши. Оказалось, что и у него есть слабое место.

Постепенно все вернулось в свою колею, он успокоился и перестал кидаться на окружающих. Шуши не стало в конце лета, а к середине осени Саблин переключил внимание на непонятный ему случай: гибель на производстве молодого рабочего Алексея Вдовина.

Трагедия произошла во время дежурства Виталия Николаевича Филимонова, который так и продолжал работать в отделении экспертизы трупов. Конфликт, возникший у него с Саблиным в самом начале работы Сергея в должности начальника, вроде бы сгладился, Виталий Николаевич работал хорошо, во всяком случае, проявлений недобросовестности с его стороны не отмечалось. Следуя правилу о том, что труп вскрывает тот эксперт, который осматривал его на месте обнаружения, случай Вдовина был расписан Филимонову, который сказал, что ничего сложного тут нет, парня задавило машиной на производстве.

Саблин занялся текущими делами, а через некоторое время спустился в секционную: он периодически устраивал такие «контрольные» набеги для проверки работы танатологов. Филимонов проводил исследование трупа молодого рабочего. Описание наружного осмотра было уже закончено, и санитар вскрывал полости тела. На грудной клетке погибшего спереди, справа от фишеровского разреза и примерно на уровне печени, виднелись темно-красные небольшие ссадины неправильной формы.

– Что-нибудь нашли, Виталий Николаевич?

– Немного ссадин спереди и сзади, – ответил эксперт, – ребра на ощупь сломаны справа и слева, полное брюхо крови.

– Печень? Или селезенка?

– Похоже, и то, и другое.

«Значит, тупая травма груди и живота, разрывы органов, обильное внутреннее кровотечение, кровопотеря как причина смерти, – прикинул мысленно Саблин. – Сдавление тела между какими-нибудь механизмами, либо, как вариант, переезд колесом через тело».

– А что случилось, Виталий Николаевич? Как это произошло?

– Да понятия не имею, – равнодушно бросил Филимонов.

– Как это? – удивился Сергей. – Вы же выезжали на место происшествия.

– К моменту нашего приезда труп уже вынесли во двор, я его там и осматривал, он на носилках лежал. Работяги правил не знают, они не в курсе, что труп на месте происшествия перемещать нельзя до приезда милиции, вот и вынесли.

– А внутри что? Не были?

– Зачем? Туда следователь ходил с криминалистом, мне там делать нечего.

В принципе судебно-медицинский эксперт не обязан осматривать все место происшествия, его задача – осмотр трупа. Эксперт, пожалуй, прав, ничего сложного или необычного в этом случае нет, и дополнительный контроль со стороны начальника Бюро – так называемый контроль третьего уровня – здесь не требуется.

В конце дня Светлана принесла Саблину на подпись свидетельство о смерти Алексея Вдовина, выписанное экспертом Филимоновым. В качестве причины смерти стояло «обильная кровопотеря, разрыв печени, селезенки, правого легкого, сочетанная травма груди и живота». В коде обстоятельств Виталий Николаевич указал «контакт с тупым предметом», категория и род смерти не установлены. И это тоже не вызвало вопросов у Саблина: категория смерти – насильственная или ненасильственная, и род смерти – убийство, самоубийство, несчастный случай, это понятия юридические, они к компетенции судебно-

медицинского эксперта не относятся. Эксперт должен установить только причину смерти, а уж обстоятельства, которые эту причину вызвали, устанавливаются в ходе следствия совсем другими специалистами.

Прошло около двух недель, прежде чем заключение Филимонова по случаю Алексея Вдовина оказалось законченным и попало на проверку к Саблину. Сергей читал внимательно, стараясь вникнуть. В общем-то он Филимонова уже не особо контролировал, поскольку тот работал без явных проколов, но его заинтересовал сам случай: что же там такое случилось? В механизме травмы Виталий Николаевич указал, что «травма возникла от воздействия тупого твердого предмета (предметов)». Обычный шаблонный ответ, эксперты частенько к нему прибегают. Но ведь это смерть на производстве! И поскольку в таких случаях обязательно проводятся и служебные расследования, и проверки материалов правоохранительными органами, механизм следовало расписывать подробно и очень конкретно. Эту часть заключения следовало непременно переделать. Сергей сделал на полях заключения пометку красным фломастером и дочитал до конца. В последнем пункте экспертного заключения указывалось наличие в биожидкостях из трупа дезоморфина, кодеина и димедрола. Получается, погибший парень в момент смерти находился в состоянии наркотического опьянения. Дезоморфин и кодеин в сочетании – это явный признак того, что парень употреблял кустарный наркотик, изготовлявшийся в домашних условиях самими наркоманами и известный под названием «крокодил». Но он же видел тело, своими глазами смотрел, и никаких следов от инъекций на видимых участках не заметил. Хотя, впрочем, нынче наркоман пошел изобретательный, колются в такие места, которые постороннему глазу недоступны – под язык, в мошонку, между пальцами. Если такие следы и были, то Филимонов должен был при наружном осмотре их найти. Саблин вернулся к разделу «Наружные телесные повреждения» и снова просмотрел его. Нет, никаких упоминаний об обнаруженных следах инъекций. Впрочем, и это тоже ничего не доказывает, ведь известно, что наркоманы используют инсулиновые шприцы с тончайшими иглами, оставляющими совсем незаметные следы. Но все-таки эти следы должны быть выявлены экспертом, если он не халтурит. Неужели Филимонов пропустил? Нужно более тщательно контролировать его. Если в крови погибшего есть наркотические вещества, то должен быть и способ, которым эти вещества были в организм введены.

Смерть на производстве в состоянии наркотического опьянения Саблину видеть не доводилось, основная масса погибших на рабочих местах состояла из тех, кто злоупотреблял алкоголем.

Он вызвал Филимонова и спросил, почему механизм травмы не описан детально.

– Так там же все ясно, – спокойно ответил Виталий Николаевич, – парень был в состоянии наркотического опьянения, это отказной материал, уголовного дела нет, выплаты компенсации родственникам тоже нет. Кому нужны наши медицинские подробности?

Какая-то правда в его словах была. Если человек погибал на производстве в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, то никакие денежные компенсации родственникам погибшего не выплачивались.

– Виталий Николаевич, – Сергей решил постараться быть сдержанным, – я не увидел в вашем заключении ответа на вопрос: что произошло? Это была транспортная травма? Или падение с высоты? Или пострадавшего били?

Филимонов изобразил мимическими мышцами нечто вроде размышления.

– Я думаю, там имела место транспортная травма.

– Какая именно?

– Ну, например, переезд колесом автомобиля или погрузчика какого-нибудь. Или, может, прижало машиной к стене.

– Например? – с угрозой переспросил Саблин. – Или может? Может, переезд, а может, и придавливание? Виталий Николаевич, вы судебно-медицинский эксперт или неграмотная бабка на завалинке? Вы врач первой категории, и вы обязаны при исследовании конкретно определить вид травматического воздействия, направление действия травмирующей силы, последовательность повреждений.

Эксперт молчал, всем своим видом демонстрируя терпеливую готовность переждать бурю и свести начальственный разнос к мирным переговорам. Ничто не могло поколебать его добродушия и спокойствия.

– Где в акте указано, на каком уровне тела, на какой высоте от подошв расположены повреждения? – продолжал Сергей. – А если это не переезд

лежащего человека, а наезд? Человек находился в вертикальном положении и был придавлен к какому-нибудь предмету. Такое может быть?

– В принципе да, – согласился Филимонов.

– Если «в принципе да», то на какой высоте происходило придавливание? Где это зафиксировано? Откуда это видно? – Он потряс взятыми за уголки страницами заключения. – Ниоткуда это не видно, потому что в вашем заключении этого нет. По высоте расположения повреждения можно впоследствии четко привязаться к конкретному транспортному средству и доказать, что травма нанесена именно им. Вам этого никто никогда не объяснял?

– Сергей Михайлович, ну что вы так разволновались? Я же вам сказал: уголовное дело не возбуждали, значит, проверка закончилась отказным материалом. Ну будет в заключении указано, на какой высоте расположены повреждения, и что? Никто же все равно разбираться не станет и никакое транспортное средство искать и идентифицировать не будет. Да и тело уже захоронено, так что...

– Вот именно! – Саблин повысил голос. – Тело захоронено. И если откроются обстоятельства, которые дадут основания для возбуждения уголовного дела, то повторного исследования и измерения уже не проведешь. Вы хотя бы это понимаете? Вы понимаете, что крайними окажемся мы, а конкретно – я, начальник Бюро, потому что это я недосмотрел за экспертами, а теперь их халтура выходит всем боком и не дает возможности расследовать дело! Ну что, прикажете стоять у вас над душой на каждом вскрытии, чтобы вы делали все, как полагается? Мы с вами опять возвращаемся к тому, с чего начали три года назад? Возьмите свое заключение и переделайте механизм. Опишите его, как положено.

На лице Филимонова впервые за все время разговора мелькнула растерянность. Описать, как положено? Так положено-то с результатами измерений, а их нет...

– А как писать? – неуверенно спросил он.

Сергей вздохнул и потер переносицу.

– Напишите, что травма возникла в результате сдавления тела пострадавшего между тупыми твердыми массивными предметами на уровне нижней части грудной клетки и верхнего этажа брюшной полости, что привело к возникновению множественных переломов ребер, разможжению печени, селезенки, к разрыву нижней доли правого легкого... и так далее.

Филимонов забрал акт и ушел. На следующий день утром Саблин подписал второй экземпляр переделанного документа, что означало: исследование завершено и начальником Бюро проверено. Акт был отправлен в регистратуру.

Прошло еще какое-то время, недели полторы-две, и заглянувшая в кабинет секретарь Светлана сказала, что к Саблину на прием просится какая-то женщина по фамилии Вдовина. Сергей сразу понял: мать погибшего на руднике парня. Или родственница.

Вера Владимировна Вдовина была невысокой крепко сбитой женщиной с удивительно ясным лицом и огромными заплаканными глазами. Говорила она тихим голосом, без надрыва, словно за месяц, прошедший после гибели сына, выплакала все силы. В следственном комитете отказали в возбуждении уголовного дела по факту гибели Алексея Вдовина и объяснили матери, что парень сам виноват, поскольку находился в состоянии наркотического опьянения. То же самое Вере Владимировне повторили и на комбинате, когда отказали в выплате денежной компенсации за погибшего сына.

– Алеша был на стажировке на комбинате, – говорила Вдовина, – он учился в колледже, хорошо учился, шел на «красный» диплом. И наркотиков никогда не употреблял, я в этом уверена. Я не понимаю, как так могло получиться...

Такие разговоры Сергей слышал за годы своей работы множество раз. Стоило родственникам пострадавшего прочитать в заключении, что обнаружены наркотические или сильнодействующие вещества, они приходили с требованиями все перепроверить, потому что этого просто не может быть, и их мальчик (или девочка) никогда в жизни не употреблял ничего сильнее анальгина при зубной боли, и был хорошим, честным и порядочным. В подавляющем большинстве случаев эти люди не кривили душой, они действительно не знали, что их ребенок наркоман, ведь если порой можно себе позволить выпить в присутствии родителей, то уж уколиться или иным каким способом «заширнуться» на глазах у мамы с папой не позволяет себе никто. Пристрастие к наркотикам перед семьей обычно все-таки не афишируют.

И тем не менее Саблину было ужасно жаль эту тихую милую женщину.

– Вы могли не знать, – участливо объяснял он. – Очень многие родители не знают о том, что их дети употребляют наркотики.

Вдовина смотрела на него прямо и как-то простодушно.

– А знаете, мне сказали, что вы, может быть, деньги взяли за то, чтобы так написать в заключении, – сказала она вдруг. – Чтобы комбинату не пришлось выплачивать мне компенсацию. У них компенсации очень большие, им просто жалко отдавать такие большие деньги. Сергей Михайлович, это правда? Вам заплатили? Вы скажите только «да» или «нет», мне это важно. Мне не нужны деньги, я хорошо зарабатываю, мне не нужна их компенсация, но я хочу спокойно смотреть людям в глаза. Мне все вокруг говорят: что же это вы, Вера Владимировна, наркомана вырастили! Все ведь уже знают, ни от кого ничего не скроешь. Бывший муж звонил с материка, кричал, что я сына погубила своим воспитанием, все сюсюкала с ним, книжки умные читала вслух, хорошему учила, а надо было пороть и наказывать.

Она помолчала, продолжая глядеть прямо в лицо Саблину.

– Я не хочу, чтобы память о моем сыне была опорочена. Я не верю, что он был наркоманом. Алеша был хорошим добрым мальчиком, умным и порядочным, его очень любили друзья, его любила замечательная девушка, они собирались пожениться в будущем году. Я не могу смириться с тем, что о нем будут думать и говорить плохо.

Было видно, что она с трудом сдерживается, чтобы не расплакаться.

– Хорошо, – решительно произнес Сергей, – я попробую все еще раз проверить.

Он не был уверен, но что-то подсказывало ему, что Вера Владимировна не ошибается: ее сын Алеша не был наркоманом. А комбинат, на котором развернул бурную деятельность друг детства Петя Чумичев, играет в свои финансовые игры. Но для любого вывода нужны доказательства.

Вдовина ушла, а он попросил принести ему из регистратуры акт исследования трупа ее сына и еще раз внимательно перечитал результаты дополнительного исследования. Штатный эксперт-химик Бюро в тот период находился в отпуске, и исследование проводила совместитель – заведующая химико-токсикологической лабораторией наркологического диспансера, врач высшей категории, имеющая стаж работы больше двадцати лет. Ошибиться она никак не могла, ну ни при каких условиях! «Может, аппаратура засбоила?» – подумал Сергей. Других объяснений он придумать не смог, поскольку в судебно-химических исследованиях почти совсем не разбирался.

Выход был только один: потихоньку, не привлекая внимания, отправить материал от трупа Алексея Вдовина в судебно-химическое отделение областного Бюро. Но с момента завершения исследования прошло больше месяца, пусть и ненамного, но все-таки больше тех самых тридцати суток, в течение которых полагается хранить остатки биологического материала. По истечении месяца биоматериал можно было утилизировать. И если с материалом от трупа Вдовина произошло именно это, то теперь уже невозможно будет ни перепроверить что бы то ни было, ни исправить.

Но ему повезло: материал – кровь, моча и желчь от трупа Алексея Вдовина – до сих пор оставался в холодильнике судебно-химической лаборатории. Дабы не рисковать (а вдруг уже завтра кому-нибудь взбредет в голову проверить холодильник и почистить его, освободив от подлежащих утилизации материалов?!), он попросил главную медсестру Бюро изъять материал из холодильника судебных химиков и положить в другой холодильник, в котором хранились различные биологические реактивы и сыворотки, выдаваемые лаборантам-биологам.

– Но там же стерильный материал! – возражала главная медсестра. – Я не могу поместить туда биоматериал, это противоречит инструкции!

– Упакуйте стерильно и положите куда-нибудь в уголок, – велел он и, понизив голос, добавил: – Пожалуйста. Для меня.

Он понимал, что нарушает все мыслимые предписания и инструкции. Кровь – инфекционно-опасная субстанция. И не только потому, что умерший мог быть инфицирован чем-либо, но еще и потому, что кровь, особенно если она подгнившая, является великолепной питательной средой для развития микробов. Поэтому по санитарно-эпидемиологическим нормам полагается весь

окровавленный материал сжигать, а флакончики, в которых хранилась кровь, обжигать и только после этого выбрасывать в мусорный контейнер. И уж ни в коем случае не ставить в один холодильник со стерильными препаратами.

Вообще утилизация материалов, остающихся после проведения исследований, была одной из самых неприглядных сторон работы судебно-медицинской экспертизы. Для исследований при вскрытии нарезаются кусочки от печени, почек, желудка, кишечника, легких и мозга, из них изготавливаются препараты для гистологов, сами препараты после завершения исследования сдаются в архив, а то, что осталось, хранится положенный месяц, а затем передается в морг. В морге остатки складывают в пакет, который кладется в гроб с каким-нибудь «безродным» неостребованным трупом и захоранивается или кремируется вместе с ним. И хотя Сергей Саблин знал об этом с первого же дня работы в судмедэкспертизе, думать об этом ему до сих пор было неприятно.

* * *

Он позвонил в областное Бюро заведующей судебно-химическим отделением.

– Хочу перепроверить работу моего химика, – солгал он на голубом глазу. – Что-то сомнения у меня появились.

– Хорошо, – легко согласилась заведующая, – выписывайте направление на исследование и присылайте с оказией биоматериал.

– Только вы сами сделайте, ладно? – попросил Сергей. – Я вашей квалификации доверяю, все-таки вы кандидат наук. А то мало ли что... Не хотелось бы человека понапрасну обижать. Уж если вы придете к тем же выводам, что и он, я буду спокоен за его квалификацию, а если нет, то с чистой совестью уволю.

– Ох, крутой вы мужик, Сергей Михайлович, – засмеялась заведующая из областного Бюро. – Чуть что – сразу увольняете. Добрее надо быть, кадрами не разбрасываться, а то совсем один в своем Бюро останетесь. Хорошо, уговорили, проведу исследование сама, а для контроля еще своего лучшего эксперта попрошу, пусть тоже сделает, чтоб уж вы могли быть абсолютно уверены.

Ее слова о кадрах и о том, что он может остаться в своем Бюро один, Саблин мимо внимания не пропустил и выводы сделал. Стало быть, его методы руководства не всем по душе пришлись, и в областное Бюро поступают жалобы на начальника. Пока что этим жалобам хода не дают и Саблина не дергают, но ведь рано или поздно придет час, и... Впрочем, незачем сейчас об этом думать. Думать надо об Алеше Вдовине и о том, был он наркоманом или все-таки нет.

Он выписал направление на судебно-химическое исследование биологических материалов от трупа Алексея Вдовина и стал ждать подходящего случая, чтобы переправить пакет в областной центр. Для этого годился не каждый человек, который в принципе мог бы стать курьером: нельзя допустить, чтобы в Бюро или на комбинате узнали о том, что он затеял.

Ждать оказию пришлось около недели. Пакет с направлением и материалами был отправлен в областное Бюро, а дней через десять заведующая судебно-химическим отделением позвонила Саблину и сказала, что заключение готово.

– Как вам передать его? Я бы по электронной почте прислала, но у нас сканер сломался, а без печати это не документ, – пояснила она. – Может, по факсу?

– Давайте по факсу, – согласился он. – А само заключение я придумаю, как у вас забрать. Только почтой не высылайте, хорошо?

Если заключение придет почтой, оно попадет в регистратуру, и вся саблинская комбинация выйдет наружу. А время для этого пока еще не настало. Судя по всему, заводделением прекрасно все поняла.

– Ох, Сергей Михайлович, Сергей Михайлович, – проговорила она, – все-то у вас с заваками, все-то у вас с вывертами. Не думала я, что вы такой интриган.

Получив заключение на факсу, Сергей впился глазами в строчки резюмирующей части судебно-химического исследования: в представленном биологическом материале от трупа Вдовина А. Н. не обнаружены следующие вещества и их метаболиты... Далее перечислялось несколько десятков лекарственных, наркотических, сильнодействующих, психотропных и иных токсических веществ. Стало быть, никакого дезоморфина, кодеина и димедрола в биоматериале от трупа Вдовина обнаружено не было.

Это было официальное экспертное заключение, на которое можно было открыто ссылаться, поскольку начальник городского Бюро судмедэкспертизы имеет полное право осуществлять контроль и в рамках этого контроля проводить повторные исследования и перепроверять заключения своих экспертов в вышестоящих организациях. Теперь можно было разговаривать с Вдовиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/aleksandra-marinina/oborvannye-niti-tom-3>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)